

ГЛАВА I.

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ ВЪ ДОПЕТРОВСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ.

Общія черты положенія женской личности въ допетровскомъ обществѣ. Сужденіе Котошихина и сужденія исследователей—идиаллювъ. Коренное начало древнерусскаго общества. Родовой бытъ. Идиллія семейно-общиннаго быта. Смыслъ рода и смыслъ общины. Родовая идея есть идея родительской воли—опеки. Достоинствомъ личности было «отечество». Матриархатъ и вѣче суть выраженія древнерусской общности. Существенный ея характеръ. — Родовая идея—воспитательница русской личности. Домострой—школа личнаго развитія. Въ чемъ полагается самостоятельность личности. — Основные черты характера русской личности. Государство воли и дѣтство воли. Общая характеристика допетровскаго общества.

Котошихинъ въ извѣстномъ своемъ сочиненіи „о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“, рассказываетъ, что когда были московскіе послы на свадьбѣ у польскаго короля, то правили посольство и подносили свадебные дары отъ царя и отъ царицы особо королю и особо королеви. Править посольство значило исполнять его самолично предъ лицомъ потентата. Желая въ той же мѣрѣ отблагодарить московскаго царя, и польскій король посылалъ къ царю своихъ пословъ и велѣлъ посольство править и дары подносить отъ себя и отъ королевы, царю и царицѣ, тоже каждому особо, такъ какъ дѣлали наши послы въ Польшѣ. Этого, конечно требовало обычное вѣжество, обыкновенный этикетъ во взаимныхъ сношеніяхъ двухъ государей. Но, справивъ посольство и поднеся дары царю, польскіе послы, по московскому обычаю, не были допущены къ царицѣ. „А къ царицѣ посольства править и ее видѣть не допу-

ихъ иноземству и по высокому значенію ихъ рода, сама собою уже прибрѣтала въ глазахъ русскаго общества особенное, независимое положеніе, которое ни въ какомъ случаѣ не могло равнять ихъ съ *своими*, а потому и освобождало нѣкоторые ихъ поступки отъ привычныхъ ограниченій женскаго быта. Но, воспитанныя въ обычаяхъ, дававшихъ ббольшій просторъ женской личности, онѣ, однакожъ, въ московскомъ дворцѣ, должны были жить такъ, какъ повелось изстари, т. е. должны были подчиниться тѣмъ понятіямъ и порядкамъ жизни, какіе повсемѣстно господствовали въ русской землѣ. А эти понятія почитали весьма *зазорными* всякое обстоятельство, гдѣ женская личность прибрѣтала какой либо общественный смыслъ. Эти понятія признавали ея свободу и то въ извѣстной мѣрѣ, въ однихъ лишь семейныхъ отношеніяхъ и въ положеніяхъ исключительно семейнаго общежитія. Какъ скоро общежитіе принимало какую либо форму общественности и изъ домашней, семейной сферы переходило въ сферу жизни публичной, тогда и обнаруживалось, что женская личность не имѣетъ здѣсь своего мѣста, что безъ особеннаго *зазора* въ публичномъ общежитіи она не можетъ становиться рядомъ съ личностью мужчины. Извѣстная выработка идей и представленій въ этомъ направленіи привела вообще къ тому, что женская личность своимъ появленіемъ въ обществѣ нарушала какъбы цѣломудріе публичнаго общежитія, не говоря уже о томъ, что собственное ея цѣломудріе при такомъ подвигѣ, въ глазахъ вѣка, погибало окончательно. Одному мужчинѣ исключительно принадлежали интересы общественности. Онъ одинъ обладалъ правомъ жить въ обществѣ, жить общественно. Женщинѣ оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть человѣкомъ исключительно домашнимъ, и въ существенномъ смыслѣ быть вмѣстѣ съ домомъ и домохозяевами только орудіемъ, средствомъ для жизни общественнаго человѣка—мужчины.

Въ одномъ только случаѣ самостоятельность женщины являлась законною и неоспоримою; въ томъ случаѣ, когда она становилась главою дома; а это могло произойти лишь при томъ обстоятельствѣ, когда, по смерти мужа, она оставалась *матерю* вдовою, т. е. вдовою—матерью сыновей. И мы видимъ, что *матеря* вдова въ древнемъ русскомъ обществѣ играетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мужскую роль; мы видимъ, что типъ этой личности прибрѣтаетъ сильныя самостоятельныя черты

и въ общественной жизни и въ историческихъ событіяхъ, а слѣдъ и въ народной повѣи, въ былинахъ и пѣсняхъ. Она пользуется и значительными юридическими правами.

Но матерая вдова всегдѣ была явленіемъ случайнымъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ исключительнымъ. Личность ея ни какъ не можетъ служить мѣрою самостоятельности женской личности вообще. Матерая вдова являлась случайнымъ представителемъ дома, семьи, которая стояла уже такъ сказать на материкѣ, т. е. на корню, ибо сыновья всегда придавали семьѣ именно это значеніе корня. Вдова бездѣтная, у которой не оставалось подъ ногами материка или корня, у которой со смертью мужа разрушалась и семья, такая вдова по убѣжденію вѣка равнялась въ своемъ значеніи съ сиротою, и въ древнѣйшій періодъ нашей исторіи вмѣстѣ съ сиротами, убогими, калѣками и пр. и всѣми беззащитными личностями поступала подъ покровительство церкви, причислялась къ людямъ церковнымъ, *богадльнымъ*, т. е. къ людямъ, забота объ участи которыхъ была *дѣломъ божьимъ*, потому что не была дѣломъ общественнымъ. Вотъ почему вдова безъ сына почитаетъ себя тоже сиротою. Одно это можетъ уже свидѣтельствовать, что личность женщины не имѣла ни малѣйшей *общественной* самостоятельности и какъ скоро выдѣлялась изъ семьи, гдѣ только и сохраняла известную долю самостоятельности, то теряла и эту малую долю самостоятельнаго значенія и приравнивалась ко всѣмъ сиротствующимъ, совершенно беззащитнымъ въ общественномъ смыслѣ, такъ что по необходимости переходила подъ опеку церкви, подававшей ей руку вмѣсто общества, которое отрицало въ женскомъ достоинствѣ всякій смыслъ личности, имѣвшей какія либо общественныя, а не семейныя, только домашнія права.

Идиллики исторіи очень серьезно и съ подобающею ученостью, съ ссылками на лѣтописи и другіе источники, съ выписками подлинныхъ текстовъ, доказываютъ, что напр. „красота жены цѣнилась“: Святославъ женить сына Ярополка на плѣнницѣ гречанкѣ „красоты ради лица ея“; Ольга удивляетъ красотой лица греческаго императора; что „жена имѣла право на часть мужнина имѣнія; что всѣ заботы о дѣтяхъ возлагались на мать; что попеченія и заботы, которыя употребляла мать при воспитаніи дѣтей своихъ, давали ей въ народномъ возрѣніи неоспоримое право на уваженіе послѣднихъ; что тѣсная связь матери съ дѣтьми не могла не оказывать влиянія на послѣднихъ“.

характеръ матери явственно отражался и въ дѣтяхъ; что дѣвушку не стѣсняли въ ея дѣйствіяхъ (слѣдуютъ доказательства и подтвержденія о томъ, какъ дѣвицы постригались въ монахини); что дочь дѣвица имѣла участіе во всѣхъ событіяхъ своей семьи; что покидая семью родительскую, при выходѣ замужъ, дѣвушка однако не прерывала связи съ нею; что воспитанная въ общемъ кругу родной семьи, одинаково согрѣтая любовью отца и матери, русская женщина этого времени (до монголовъ), являясь женою, стоитъ нравственно на одномъ уровнѣ съ мужемъ. Въ этомъ лежитъ объясненіе тѣхъ отношеній, которыя возникаютъ между ними. Подружье — названіе жены въ книжномъ языкѣ, ладой зоветъ жена мужа въ языкѣ народномъ. Равна жена мужу въ законѣ: кто убьетъ жену — тотъ же судъ, какъ за мужа. (Здѣсь однакожь законъ, Русская Правда, говоритъ вообще объ убійствѣ женщины, а не о женѣ мужа). Любите жену свою, учить дѣтей хорошій отецъ (Владиміръ Мономахъ, который тотчасъ же и прибавляетъ другое поученье, пропускаемое авторомъ: *но не дайте имъ надъ собою власти*, что собственно значитъ: властвуйте надъ ними). Жена стоитъ рядомъ съ мужемъ, живетъ съ нимъ одною жизнью, раздѣляя радость и горе, сопутствуя ему всюду, участвуя въ самыхъ сокровенныхъ его думахъ. Мужъ видитъ въ ней лучшаго друга, спутника жизни, повѣряетъ ей все; что гдѣ бы ни былъ мужъ, мысль о женѣ не покидаетъ его; что жена была не стѣснена въ своей жизни, могла дѣйствовать свободно (доказательства: Верхуслава ведетъ переписку съ епископомъ Симономъ, принимаетъ большое участіе въ монахѣ Поликарпѣ, желая устроить его гдѣ либо епископомъ, вотъ и все); что жена могла имѣть свою собственную землю, села; жена независимо отъ мужа могла имѣть свою казну и т. д. ¹

Подобныя идиллическія заключенія носятъ въ сознаніи многихъ изыскателей нашей старины; но въ сущности онѣ обнаруживаютъ только какое-то странное сомнѣніе во всемъ томъ, что составляетъ существо человѣка, будетъ ли онъ мужчиною или женщиною, и что никогда не подвергалось спору, въ чемъ ни одинъ разсудительный человѣкъ никогда и ни гдѣ не могъ

¹ Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе Александра Добрякова. Спб. 1864. Стр. 32, 34, 35, 39, 57, 58, 62, 69, 77, 78 и мн. др.

сомнѣваться. Всѣ выводы, съ таинъ усердіемъ добытые изъ летописей, житій, грамотъ и т. д. сводятся къ одному, что жена любила мужа, а мужъ любилъ жену; что мать любила дѣтей, а дѣти любили мать; что женщина, какъ членъ семьи, пользовалась семейными правами, пользовалась извѣстными правами какъ человѣкъ вообще и какъ членъ семьи въ особенности. Ктоже могъ когда либо въ этомъ сомнѣваться. Исторія застасть древнюю Русь именно на той степени историческаго развитія, когда семья составляетъ единственный и непосредственный узелъ народной жизни, когда семья составляетъ существо, основу народнаго быта; когда, слѣдовательно, семейныя добродѣтели являются необходимъмъ послѣдствіемъ, естественнымъ продуктомъ жизни. Доказывать ученымъ образомъ, что мужъ любилъ жену, а мать любила дѣтей, все равно, что доказывать, что и въ старину жили также люди. Не въ томъ дѣло имѣла ли женщина человѣкъ человѣческія чувства, находилась ли въ человѣческихъ отношеніяхъ къ отцу, къ мужу, къ дѣтямъ; вообще, не въ томъ дѣло, что именемъ женщины обозначался человѣкъ женскаго пола; дѣло въ томъ пользовался ли женскій полъ общественными правами наравнѣ съ мужскимъ поломъ, т. е. въ равной половинѣ; была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ именно этою своею женскою половиною; почиталась ли женская половина необходимою и самостоятельною половиною не семьи, а самого общества; или же эта половина въ сущности была только придаткомъ къ тому цѣлому, которое выражалось лишь одною личностію мужчины; вообще: была ли женская личность самостоятельна въ обществѣ сама по себѣ, какъ личность женщины, или же ея самостоятельность опредѣлялась только ея принадлежностію къ личности мужской, какъ напр. значеніемъ жены мужа, матери сына и т. п.

Вотъ вопросы, которые возникаютъ сами собою, когда намѣреваемся узнать, каково было положеніе женской личности въ допетровской Руси. Мы, однимъ словомъ, не должны смѣшивать понятій и свидѣтельствъ о правахъ женщины, какъ члена семьи, какія бы ни были эти права, нравственныя или юридическія, съ понятіями и свидѣтельствами о ея правахъ, какъ члена общества. Смѣшеніе, безразличіе этихъ понятій и производитъ путаницу въ нашихъ представленіяхъ о характерѣ и общественномъ положеніи древнерусской женщины.

Само собою разумеется, что въ этомъ случаѣ необходимо прежде всего узнать важнѣйшее обстоятельство, именно: признавало ли и могло ли признавать женщину своимъ членомъ древнерусское общество; а еще ближе, что такое было, каково было это самое общество, признавало ли оно вообще общественныя права личности, почитало ли оно личность общественною единицею, самостоятельнымъ цѣлымъ, которымъ держится само общество; ибо самостоятельность женской личности является лишь тамъ, гдѣ является самостоятельность человѣческой личности вообще, гдѣ общество носить въ своемъ сознаниі, а слѣд. и въ своемъ развитіи самую идею личности, идеаль человѣческаго достоинства, независимо ни отъ какихъ частныхъ, случайныхъ бытовыхъ его опредѣленій.

Очень понятно, что русское допетровское общество въ своемъ взглядѣ на достоинство женской личности не могло стоять выше тѣхъ убѣжденій, которыя господствовали вообще въ средне-вѣковомъ европейскомъ обществѣ, которыя господствуютъ во всякомъ обществѣ младенчествующемъ. Точно также, какъ и вездѣ, на равной степени общественнаго развитія, русское общество опредѣляло нравственныя и общественныя права женской личности ветхимъ и по преимуществу восточнымъ сознаниемъ, что лицо женщины, каково бы ни было ея положеніе, не есть половина, а есть всетаки, въ отношеніи мужчины, — величина меньшая; что женщина, сравнительно съ мужчиною, есть малолѣтокъ, недоросль, членъ общества несовершеннолѣтній. Сама женская природа способствовала развитію такого убѣжденія.

Въ первую эпоху человѣческой жизни въ понятіяхъ и представленіяхъ человѣка господствовалъ и управлялъ всею его дѣятельностію идеаль богатыря, т. е. идеаль собственной физической силы человѣка. Въ то время физическая сила была первою необходимостію для человѣка, а слѣд. первымъ, самымъ высшимъ, почти исключительнымъ его достоинствомъ. Въ то время, не естественнымъ причинамъ, человѣкъ вездѣ въ своей дѣятельности долженъ былъ богатырствовать, богатырски завоевывать себѣ положеніе и побѣждать природу больше силою плеча, чѣмъ силою ума. Богатырство было исходнымъ началомъ его жизни, оно же стало и высшимъ его идеаломъ. Подъ влияніемъ этого идеала и создались постепенно всѣ первобытныя воззрѣнія человѣка: въ его мѣру онъ мѣрилъ и всѣ свои первоначальныя отношенія, всѣ положенія своей жизни.

Очень понятно, что, по физиологическим особенностям своей природы, женская личность не могла приравняться къ этому идеалу, къ этой первоначальной и тогда единственной мѣрѣ человѣческаго достоинства. Правда, что въ богатырскій вѣкъ и она должна была носить въ себѣ нѣкоторыя богатырскія черты; но вполне сдѣлаться богатыремъ ей было невозможно. Приванная природою къ рожденію дѣтей и ко всѣмъ тяжкимъ послѣдствіямъ этого дѣйствія природы, каково воспитаніе или собственно вскормленіе ребенка и т. д., женщина однимъ этимъ дѣйствіемъ природы обрекалась уже на страдательную, вполне зависимую роль предъ личностью богатыря — мужчины, не говори уже о томъ, что самый ея организмъ, сравнительно слабый и нѣжный, никогда не могъ равнять ея физическія силы съ силами мужчины. Вотъ естественная причина, по которой богатырскія воззрѣнія первобытнаго человѣка очень легко могли воспитать въ его сознаніи мысль о великомъ различіи женскаго существа отъ мужскаго. Различіе въ физическихъ силахъ обоихъ половъ было слишкомъ очевидно, а между тѣмъ богатырскія силы, какъ мы сказали, были единою мѣрою человѣческаго достоинства, единою оцѣнкою достоинства каждой личности. Такимъ образомъ сама природа женщины, вовсе не способная отвѣчать своею дѣятельностью первоначальнымъ идеаламъ человѣка, указывала женской личности мѣсто, которое въ отношеніи ея самостоятельности всегда колебалось, да и до сихъ поръ колеблется между мужчиною и его дѣтьми.

Съ богатырской точки зрѣнія женщина — существо слабое, не только физически, но и нравственно и умственно. Она отличается дѣтскими чертами. Она даже и создана отъ кости самаго богатыря; она въ сущности его ребенокъ; поэтому зависимость, повнновеніе — вотъ ея идеалы, которыми она и воспитывается въ теченіи тысячелѣтій, т. е. во все то время, когда въ быту человѣческомъ долженъ былъ господствовать идеалъ богатырскій. Вообще достоинство женской личности на основаніи этихъ первоначальныхъ идей было возведено въ идеалъ милой жертвы, милой *хоты*, какъ выразилось Слово о полку Игоревомъ. Соответственно этому идеалу цѣнились и всѣ качества женской личности, вся такъ называемая женственность, какъ исключительная сила ея природы, понятая лишь такъ, какъ требовалъ именно этотъ идеалъ. Въ этомъ идеалѣ и выразился весь жизненный

смыслъ женской доли, весь смыслъ ея роли общественной, а стало быть и исторической.

Мы не должны также забывать, что эпоха богатырскаго идеала была вмѣстѣ съ тѣмъ и эпохою идеала родительскаго, т. е. идеала родительской опеки, по которому всякая почтену либо зависимая личность иначе не представлялась, какъ въ образѣ малолѣтства.

Естественно, что навсегда слабая и зависимая женская личность должна была навсегда же сохранить въ своемъ лицѣ образъ нескончаемаго малолѣтства, нескончаемаго дѣтства, ибо такова была сила первоначальныхъ богатырскихъ и патриархальныхъ убѣжденій человека.

Само собою разумѣется, что тѣже первоначальныя убѣжденія и идеалы управляли и нашимъ бытовымъ развитіемъ. У насъ по причинѣ нашей молодости они сохранились даже съ большею свѣжестью, чѣмъ у другихъ европейскихъ народовъ. Богатырскія идеи, какъ и идеи родительской опеки, у насъ живутъ еще до сихъ поръ, а въ допетровскую эпоху онѣ были въ полномъ цвѣтѣ.

Идеалъ родительской опеки былъ основателемъ и устройте-лемъ всего нашего быта. По этому идеалу создавалось наше общество и государство. По этому идеалу наше общество представлялось совокупностью семьи или родни, такъ что его разряды или ступени, особенно низменные, иначе и не представлялись, какъ малолѣтними и постоянно обозначались именами родства, каковы были, *отроки, пасынки, дѣтскіе, молодь*. Самые низменные въ общественномъ смыслѣ именовались *сиротами*, т. е. людьми несчастными въ смыслѣ родства, а стало быть и въ общественномъ смыслѣ, каково было вообще неслужилое земледѣльческое и промышленное сословіе, необладавшее властнымъ положеніемъ въ обществѣ.

По идеалу родительской опеки, не только личность женщины, но и личность мужчины не имѣла никакого самостоятельнаго, независимаго значенія, по той причинѣ, что этотъ идеалъ вообще не признавалъ, да и не могъ понять самой идеи личности. Онъ зналъ только идею рода, идею отчества, т. е. идею принадлежности лица известному отцу или роду, идею полной зависимости лица отъ своего родства, вообще идею его дѣтства, а не идею его свободы и самостоятельности. Для него независимая личность получала смыслъ личности *зудлицей*, какъ и называ-

зесь воляные люди, которые такъ сказать выпадали изъ родового круга, т. е. изъ круга известной зависимости или принадлежности къ тому или другому общественному разряду жизни.

Идея родовой зависимости построила по своему образу и всѣ эти общественные разряды, всякую другую зависимость, всѣ общественныя отношенія лица, весь общественный нашъ бытъ, такъ что древне-русское общество въ существенномъ и непосредственномъ смыслѣ есть собственно не *общество*, а *родство*, ибо его общее, его идея заключалась въ идеѣ рода, а не въ идеѣ независимой личности. Вотъ почему и древній нашъ бытъ очень основательно называется родовымъ бытомъ.

Но, говорятъ, у насъ не было родового быта, а былъ общинный бытъ, слѣд. и общественныя отношенія устроивались по другому, т. е. общинному началу; слѣд. не только мужчина, но и женщина пользовалась правами личности самостоятельной и независимой; ибо чтожъ такое община, какъ не совокупность богъ или менше обособленныхъ, самостоятельныхъ, равноправныхъ и независимыхъ личностей. Дѣйствительно, понятіе объ общинѣ не допускаетъ иныхъ представленій въ отношеніи устройства общины, въ отношеніи характера общины; общее, значить равное для всѣхъ; община, значить равенство. Въ общинѣ, если она служитъ основой быта, невозможно представить себѣ какой либо иной порядокъ жизненныхъ отношеній, какъ не порядокъ равенства, равноправности всѣхъ частей этого *общаго* цѣлаго. Все это такъ. Но одно необходимо помнить, именно: какую силу представляетъ каждая часть этого общаго цѣлаго, въ чемъ заключается существенный смыслъ каждой части; какого свойства эта единица, которая служитъ основой, ворнемъ всего цѣлаго; носить ли въ себѣ эта часть, эта единица, смыслъ отдѣльной обособленной личности, независимой личности человека, самого по себѣ; или она изображаетъ совсѣмъ иное свойство, носить въ себѣ совсѣмъ иной смыслъ, именно, смыслъ человека не самого по себѣ, а какъ представителя или выразителя чего либо такого, въ чемъ его личность почитается за ничто, не имѣетъ ни малѣйшаго смысла и значенія. Община, какъ равенство вообще, можетъ вмѣщать въ себѣ такія составныя части, такія единицы, которыя хотя, по естественной необходимости, и будутъ лицами, но вовсе не будутъ представителями личности. Въ этомъ весь вопросъ. Наша древняя община была въ собственномъ смыслѣ общиною *родовою*, или еще

ближе общиною хозяйствъ, домовъ, дворовъ, а не общиною независимыхъ личностей. Чтобы уяснить себѣ справедливость такого заключенія, мы должны по необходимости остановиться на спорномъ вопросѣ о характерѣ и свойствахъ нашего древнѣйшаго быта. Въ настоящемъ случаѣ для насъ это необходимо по той причинѣ, что отъ уясненія этого вопроса вполне зависитъ уясненіе вопроса: что такое было древне-русское общество и каково было положеніе въ немъ женской личности?

Люди самыхъ противоположныхъ взглядовъ на существенный характеръ нашей допетровской исторіи будутъ, вѣроятно, согласны въ томъ, что въ древней русской жизни, домашней и общественной, съ особенною силою господствовало и управляло живнію отдѣльныхъ лицъ патріархальное родительское начало, что оно въ значительной степени господствуетъ даже и теперь. Иначе, конечно, и быть не могло, если непреложна та истина, что русская земля расплодился по преимуществу первобытною силою народненія, если *родъ* былъ непосредственнымъ дѣятелемъ въ образованіи народной массы, если на самомъ дѣлѣ онъ былъ растительною органическою кѣлочкою, основою строенія каждаго племени и всего народа, если наконецъ сама *община*, являясь только совокупностью этихъ родовыхъ кѣлочекъ, совокупностью не отдѣльныхъ лицъ, а отдѣльныхъ хозяйствъ или дворовъ, въ которыхъ замкнулись отдѣльные роды или семьи. Мы пользуемся такимъ уподобленіемъ, предполагая яснѣе и нагляднѣе представить отношеніе такъ называемаго родового быта, къ быту, такъ называемому, общинному.

Такой естественный, почти физическій ходъ народной жизни существовалъ вездѣ. Въ другихъ странахъ онъ еще въ незапамятныя времена подвергся различнымъ колебаніямъ и стороннимъ вліяніямъ и потому очень рано утратилъ свой первобытный обликъ, не оставивъ по себѣ слишкомъ замѣтныхъ слѣдовъ. У насъ, въ нашей исторіи, въ нашей жизни, сравнительно очень молодой, наоборотъ, такіа слѣды можно наблюдать даже въ настоящую минуту.

Родовой бытъ, какъ жизненное историческое начало, для многихъ является предметомъ ошибочной, даже нелѣпой, и къ тому еще нѣмецкой теоріи; а потому, не рѣдко предметомъ голословныхъ отрицаній и даже остроумныхъ шутокъ. Намъ кажется что отрицатели и порицатели родового быта ведутъ споръ собственно о словахъ. Они упрекаютъ противниковъ въ неопредѣ-

жесткости будто бы понятій, заключающихся въ словахъ *родовой*, *патріархальной* и стараются опредѣлить эти слова, какъ говорится, научно, т. е. исключительно книжнымъ путемъ, болѣе въ духъ грамматическомъ, чѣмъ историческомъ, болѣе грамматическимъ именно смысломъ отрывочныхъ текстовъ, а не смысломъ живой жизни, разлитой въ общій составъ древнихъ памятниковъ. Оттого они усердно ищутъ въ родовомъ бытѣ *учрежденія*, съ одной стороны — политическаго, каково напр. государственное устройство, съ другой — юридическаго, въ законахъ и нравахъ, и конечно ничего *учрежденнаго* въ этомъ смыслѣ не находятъ, вовсе забывая, что *родовой бытъ* не есть фактъ, а есть начало, стихія жизни, которая, какъ стихія, входитъ во всѣ факты, пронизываетъ ихъ, даетъ имъ свою окраску, формируетъ ихъ, но сама ни гдѣ въ особое учрежденіе не воплощается. Самое прилагательное: *родовой* — обозначаетъ только стихійное качество быта и вовсе не указываетъ какую либо учрежденную, т. е. законченную его форму. Точно также и существительное, *родъ*, вовсе не обозначаетъ какого либо учрежденія, т. е. истинной какой либо формы, выработанной развитіемъ общества. Это, напротивъ, непосредственная, естественная форма человеческой жизни, произведенная стихійною силою рожденія. Если же эта форма становится нормою, стихіею не только для домашнихъ, но и для общественныхъ отношеній народа, то, замѣчая повсюду ея присутствіе, изслѣдователь съ полною основательностію можетъ и весь народный бытъ обозначить именемъ этой стихіи, именемъ начала, которое движетъ всѣмъ этимъ бытомъ.

Однакоже отрицатели этого начала утверждаютъ, что „слово *родъ* значитъ собственно: *семья* и что поэтому у славянъ *родоваго быта* небыло, а была *семья и община*, что Русская земля есть изначала *наименѣе патріархальная, наиболее семейная и наиболее общественная* (имено общинная) земля“¹. По смыслу некоторыхъ летописныхъ и другихъ свидѣтельствъ слово *родъ* действительно обозначаетъ также и семью и даже семью въ тѣсномъ смыслѣ, на чемъ особенно, настаиваютъ защитники *семейной* и общинной теорій. Но иначе не могло и быть, потому что семья служитъ составною частью или же зерномъ *рода*; понятіе о *родѣ* неизбѣжно заключаетъ въ себѣ и понятіе о *семьѣ*.

¹ Соч. К. С. Алексанова, т. I. Стр. 92, 93, 124, и др.

Семья служить съ одной стороны, подъ видомъ старшей семьи, его коренемъ, его основою, а съ другой, выражаетъ, подъ видомъ младшихъ семей, его размноженіе, его развѣтвленіе; семья, однимъ словомъ, относится къ роду, какъ частное понятіе къ общему. Не мудрено, что въ текстахъ эти понятія очень часто переходятъ одно въ другое, мѣшаются, и доставляютъ легкую возможность подымать ~~судѣтельства~~ судѣтельства, указывающія на тожество семьи и рода. Но что же изъ этого выходитъ? Что именно хотимъ мы опредѣлить называя народный бытъ *семейнымъ*? Не слишкомъ ли широко, пространно, не слишкомъ ли обще такое опредѣленіе? Люди всегда жили, теперь живутъ и всегда будутъ жить семейно. Это неизмѣнное условіе человѣческаго быта, которое въ отношеніи характеристики быта у извѣстнаго народа, на извѣстной степени его развитія, ничего доказывать не можетъ. Словомъ „*семейный*“ обозначается именно тотъ тѣсный, или, вѣрнѣе, частный смыслъ жизни, который навсегда останется въ быту человѣчества, какія бы формы и порядки ни принимало его развитіе; останется, какъ естественный, физиологическій законъ жизни. Намъ кажется, что, говоря фразу: „русская земля была наиболѣе семейная“, мы въ историческомъ смыслѣ ровно ничего не обозначаемъ. Другое дѣло, если мы, не взирая на обыкновенный жизненный смыслъ этого слова, создадимъ собственное понятіе о семьѣ, придадимъ ей свойства и качества, какихъ она никогда не имѣла, именно свойства и качества кроткой и мирной славянско домашней общины и назовемъ эту общину славянскою семьей, въ отличіе отъ обыкновенной семьи, отъ семьи вообще, тогда, конечно, мы откроемъ дѣйствительно характеристическія черты въ нашемъ древнемъ народномъ быту и по необходимости назовемъ его *семейнымъ*. Оно отчасти такъ и случилось въ защитникахъ семейно—общиннаго быта славянъ.

„Рода у древнихъ славянъ не было, говорятъ они, а была *семья*. Семья эта была семья въ тѣсномъ смыслѣ. Въ устройствѣ ея *нѣтъ и признака родоначальническаго, патриархальнаго характера*. Напротивъ мы видимъ, что *вся члена ее не имѣютъ голоса въ вопросъ собственности*. Это назвать родовымъ устройствомъ невозможно. Если бы общество было построено на основѣ родового, патриархальнаго быта, такъ, чтобы въ его устройствѣ находилось отраженіе этого быта, мы могли бы признать родовой бытъ основнымъ элементомъ, существующимъ

въ народѣ (напримѣръ въ Китаѣ). Но когда предъ нами явленіе совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена подъ вліяніемъ общиннаго начала, какъ можемъ мы тутъ найти родовой бытъ?... Что же вообще была славянская семья? Она была семья; но какъ скоро вопросъ становится общественнымъ, какъ напр. вопросъ о владѣніи (на землю право имѣла вся община), то она, стороною къ этому вопросу, становилась сама *общинною*. Какъ скоро встрѣчается другой общественный вопросъ народнаго совѣщанія, вѣча, она опять становилась *общинною* и отъ нея шелъ представитель: или старшій, или избираемый ею (какъ въ „Судѣ Любуши“). Кто изъ дѣтей отдѣлился отъ семьи и жилъ отдѣльно, тотъ уже отрѣшался отъ семьи и не наследовалъ ей, — семья снималась въ числѣ. Съ другой стороны она могла расширяться по произволу, могла принимать въ свой составъ родившихся съ нею и даже постороннихъ, но въ этомъ случаѣ соединеніе дѣлалось относительно *эгалитарно*; собственность не принадлежала всѣмъ принятымъ (вспомните выморочное наследство), но общинѣ было *коллективное владѣніе*, во время котораго, въ распоряженіяхъ по нуждѣ, естественно имѣли голосъ не только члены самой семьи, но и всѣ и тѣ, кого она приняла въ составъ свой. Раздѣлъ же былъ всегда возможенъ, ибо постоянно дѣйствовала живая, свободная воля. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ семья являлась, какъ община, имѣли голосъ не только дѣти, не только семья собственно, но и другія лица, принятая въ семью. Но здѣсь является вопросъ: при такомъ общинномъ значеніи семьи въ извѣстныхъ важныхъ случаяхъ, гдѣ даже дѣти имѣли голосъ, не подрывается ли ея значеніе семейное, кровное? Нисколько, продолжаетъ семейная теорія. „*Семейное чувство* и *семейный бытъ* крѣпки были, крѣпки теперь и крѣпки будутъ у славянскихъ народовъ, пока они не утратятъ своей народности. На это доказательствъ такъ много, и прошедшихъ и современныхъ, что мы не считаемъ нужнымъ на нихъ указывать.... *Семейное начало*, конечно было твердо и въ тѣ отдаленныя времена, о которыхъ говоримъ, — и было твердо оно, какъ *начало чисто нравственное*; оно жило въ нравственной свободѣ, въ любви, въ духѣ чловѣка; оно было вполне чисто у славянъ, ибо съ нимъ не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось въ житейскихъ подпоркахъ. Да и кто мѣшалъ *семейной общинѣ* свободно и любовно исполнять волю отца? Изъ этого *объясненія* видимъ

мы, какъ свято и нравственно понята была славянская семья, какъ всякій расчетъ былъ удаленъ отъ святаго семейнаго чувства (1) Чисто нравственная, чисто духовная сила *семейнаго начала* (наково оно у славянъ) всего болѣе ручается за существованіе, глубину и вѣковѣчную прочность онаго. А *чувство семейное* и *семейное начало*, повторяемъ, глубоко и неразрывно соединено съ существомъ славянина“¹.

Вотъ основанія тѣхъ представленій о древнемъ нашемъ бытѣ, по которымъ этотъ бытъ именуется *семейно-общиннымъ*, и въ которыхъ сосредоточиваются всѣ доказательства и доводы его защитниковъ или отрицателей родоваго быта. Мы полагаемъ, что читатель замѣтитъ здѣсь несравненно болѣе теплой любви къ идеалу семейной общины у древняго славянина, чѣмъ основательнаго разъясненія существовавшей некогда живой дѣйствительности; несравненно болѣе фантазіи и стало быть поэзіи, чѣмъ, разсудительной, хотя бы и суровой, прозы, разъясняющей существо дѣла. А дѣло это въ томъ, что все, что ни сказано здѣсь о семьѣ-общинѣ, именно объ общинномъ ея значеніи и характерѣ, должно относиться прямымъ и непосредственнымъ образомъ къ понятію не о семьѣ собственно, а о *хозяйствѣ*, именно о *дворѣ*; такъ что если вмѣсто слова *семья*, мы поставимъ слово *дворъ*, хозяйство, по древнему *господарство*, то получимъ совершенно правильное, вполне соответствующее дѣйствительности представленіе о томъ, что именно намѣревалась вычислить общинная теорія. Ей необходимо было доказать, что *семья* славянская была не семьей въ обыкновенномъ смыслѣ, а была въ сущности необыкновеннымъ явленіемъ, она была *семья-община*. Такому значенію семьи вполне соответствуетъ *дворъ*. Но почему семья, живущая во дворѣ, приобретаетъ это значеніе? Потому, что существо двора, его корень есть имущество, хозяйство-господарство; а хозяйство-господарство по естественной необходимости ведется, строится, наживается общими, совокупными усиліями, работами и заботами всѣхъ, живущихъ на этомъ хозяйствѣ; всѣ стало быть, вносятъ свою долю труда въ общій оборотъ хозяйства; всѣ, стало быть, имѣютъ полное право и на свою долю пользованія общимъ хозяйскимъ имуществомъ. Изъ того же источника вытекаетъ и относительное равенство голосовъ въ общихъ дѣлахъ хозяй-

¹ См. К. О. Ананова, I, стр. 92—93; сравн. также стр. 90 и 91.

ства-двора; непререкаемое право *думы*, непререкаемое право *представительства* въ общихъ совѣщаніяхъ. Однакожъ всѣ эти права въ сущности есть простыя естественныя права семьи, по которымъ обыкновенно выходитъ, что отецъ обязанъ вскормить свое рожденіе, своихъ дѣтей, а взрослые дѣти обязаны помогать отцу-кормителю, чтобы точно также и самимъ кормиться отъ семейнаго хозяйства; что отецъ необходимо всегда совѣтуется съ возрастными дѣтьми и родичами, а возрастные дѣти и родичи всегда убѣждены, что безъ ихъ думы и согласія онъ никогда ничего не предприметь по общему для всѣхъ дѣлу. Все это были и есть непосредственныя права рожденія. Самая собственность, дворъ-хозяйство, носила въ своемъ смыслѣ ту же идею кровнаго союза въ ея вещественномъ проявленіи, т. е. общемъ хозяйствѣ семьи. Дѣти, пріобрѣтая своимъ рожденіемъ право быть дѣтьми своего отца, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтали право пользоваться отцовскою, а по крови, стало быть, и своею собственностію; они и дѣлили ее, когда они, какъ кровь семьи, считали необходимымъ разойтись въ разныя стороны и жить особою самостоятельною жизнью. Раздѣлялась кровь семьи, раздѣлялась и собственность семьи, какъ вещественное ея выраженіе.

Мы недумаемъ, чтобы къ идеалу такихъ отношеній могло удобно прилагаться понятіе объ общинѣ, а тѣмъ менѣе самое слово: община. Собственность, именно дворъ-хозяйство, придавала семьѣ лишь видъ общины. Эта община была только количествомъ родныхъ лицъ, жившихъ на одномъ хозяйствѣ. Внутри же, въ качествѣ союза этихъ лицъ, въ духѣ этой общины, жила создавшая ее идея кровнаго союза. По этой идее и была построена внутренняя домашняя жизнь этой общины. Она въ полной силѣ господствовала внутри каждаго двора и ни подъ какимъ видомъ не допускала равенства лицъ, тамъ жившихъ, не допускала даже малѣйшей возможности такого равенства, самой мысли о немъ, что съ особенною силою и образностью выражалось всегда, напр. въ отношеніяхъ женатыхъ братьевъ, замужнихъ сестеръ, въ отношеніяхъ свекрови къ невѣсткѣ, въ отношеніяхъ золовокъ къ той же невѣсткѣ и т. п. Во дворѣ жила семья, слѣдовательно тамъ жило естественное раздѣленіе людей на отцовъ и дѣтей, на старшихъ и младшихъ по крови. Какая же тутъ можетъ существовать община, т. е. равенство лицъ, нравъ. Родитель по естественнымъ причинамъ становился главою и властито-

ленъ своей семьи; въ его рукахъ сосредоточивалась патриархальная опека не только надъ дѣтьми, надъ своимъ рождениемъ; но даже и надъ матерью этого рожденія, значеніе которой, какъ мы упоминали, всегда колебалось между значеніемъ главы семейства и значеніемъ его рожденія, т. е. его дѣтей. Предъ его лицомъ всѣ члены семьи были по самому существу дѣла малолѣтними. Не говоримъ о томъ, что сила его опеки и власти увеличивалась и развивалась пропорціонально бессилію или даже совершенному отсутствію опеки гражданской; въ собственномъ смыслѣ общественной, которую напрасно мы будемъ воображать въ обществѣ младенчествующемъ. Въ такомъ обществѣ, каковыя было и древне-русское, родительская опека занимаетъ все то, чѣмъ обезпечивается свобода и нравственное и имущественное положеніе личности въ современномъ быту, всѣ эти государственныя, правительственныя, общественныя учрежденія и многочисленныя гражданскія охраны. Очень естественно, что по тойже самой причинѣ въ древне-русскомъ обществѣ родительское начало опеки выростало до размѣровъ, теперь намъ мало даже и понятныхъ.

Мы совершенно согласны съ утвержденіемъ семейно-общинной теоріи, что древне-русская „семья была семья въ тѣсномъ смыслѣ“, но никакъ не можемъ согласиться съ другимъ ея утвержденіемъ, что въ устройствѣ этой семьи „нѣтъ и признака родоначальнаго патриархальнаго характера“, что вообще у „древнихъ славянъ не было рода“. Мы, напротивъ, и такъ именно, гдѣ эта теорія видитъ семью-общину, видимъ только одинъ родъ, не видимъ даже и семьи въ ея прямомъ и тѣсномъ смыслѣ. Понятіе о семейной общинѣ возникло у этой теоріи изъ представленія о собственности, о дворѣ-хозяйствѣ, на которомъ всегда и жила семья-община. Положимъ что хозяйство заводилось и дворъ строился первоначально одною семьей, въ тѣсномъ смыслѣ: семьей. Но такая семья никогда не оставалась замкнутою въ этомъ тѣсномъ смыслѣ; она тотчасъ развѣтвлялась и обыкновенно къ основному хозяйству самъ собою приростали другія новыя семьи: являлась община, пожалуй; но община родныхъ семей, община-родня, а въ простомъ смыслѣ являлся родъ. Семья, по просту, разросталась въ родъ, т. е. въ кровную совокупность старшихъ и младшихъ семей, выросавшихъ на одномъ корню. Отецъ становился, уже дѣдомъ, прадедомъ, дѣти являлись уже внуками, правнуками. Этотъ

воинъ тить быта, не злоупотребляя словами, мы не можемъ называть семью, а тѣмъ менѣе общицею. Нельзя называть такъ какую совокупность семей, совокупность *род-ицы*, дѣтей рода, а не отца только; между которыми возникаютъ счеты и отношенія уже не семейныя, а именно *родовые*. Самое имущество, дворъ, какъ корень матеріальнаго существованія семьи, приобретаетъ смыслъ имущества уже не семейнаго, а родоваго. Конечно, оно становится *общимъ* имуществомъ, но для кого? Лишь для одного кровнаго родства. Центръ тяготѣнія уходитъ уже къ роду, а не остается только въ семьѣ. Во дворѣ, на общемъ хозяйствѣ живетъ уже родъ, а не семья. Въ дѣйствительности такъ и было въ древней Руси. Дворъ именно былъ средою родоваго быта, выразителемъ родоваго устройства жизни, былъ экономическимъ, хозяйственнымъ типомъ рода¹. Въ сѣверной, собственно въ Великой Руси и теперь часто встрѣчается, что во дворѣ живетъ цѣлый родъ, а въ древнее время этому способствовало множество причинъ, напр. самый поборъ данн съ двора, съ дыма, отъ плуга, отъ рала, слѣд. съ хозяйства или тоже съ двора, что, практически, должно было единить родство на одномъ мѣстѣ, принуждало жить къ одному дворѣ цѣлымъ племенемъ: „живиху каждо съ своимъ родомъ“. Нельзя же полагать, чтобы наши далекіе предки не могли, какъ говорится, двухъ пересчитать, т. е., помнить, какъ легче платить дань, съ семьи только или съ цѣлаго рода, когда основою данн была не душа, а хозяйство. Такииъ образомъ выраженіе лѣтописца: „живиху каждо съ своимъ родомъ“, мы почитаемъ типическимъ, какъ для цѣлаго племени, такъ и для каждой его первоначальной единицы, т. е. для двора, для единичнаго хозяйства. Въ отношеніи пользованія общимъ, т. е. родовымъ имуществомъ, на чемъ собственно и построена семейно-общинная теорія, мы скажемъ, что самымъ выразительнымъ типомъ этого пользованія былъ нашъ княжескій рюриковскій родъ, для котораго русская земля была такимъ же дворомъ-хозяйствомъ, какииъ былъ въ собственномъ смыслѣ дворъ-хозяйство для тогдашняго престоанина. Періодъ княжескихъ междоусобій былъ собственно борьбою за это пользованіе общимъ имуществомъ, въ которой именно никакъ не

¹ Сравн. предпоследнюю статью г. Кавелина: *Мысли и замѣтки о Русской Исторіи*, въ Вѣстникѣ Европы 1866 г., томъ II.

могли помириться между собою стихіи или, пожалуй, взгляды, родовые и семейные; въ томъ состояла и самая борьба. Впоследствии семейные взгляды побороли, а на семейномъ началѣ выросла и личность, къ чему конечно стремилась вся наша исторія.—Какъ бы ни было, но назвать княжескій *родъ* общинною по случаю общаго владѣнія и пользованія имъ русскою землею мы никакъ не сможемъ. Перехода къ частнымъ типамъ такого владѣнія и пользованія, мы еще меньше имѣемъ возможности обзывать ихъ общинами, ибо въ нихъ еще тѣснѣе сжималась стихія рода, чему сильно способствовалъ типическій видъ собственности, дворъ-хозяйство. Это хозяйство было общиннъ, родовымъ; но кто собственно властвовалъ надъ этимъ хозяйствомъ, управлялъ имъ? Въ семьѣ управлялъ и властвовалъ родитель и тотъ же родитель властвовалъ и надъ родомъ. Община—родня, какъ совокупность живыхъ лицъ, само собою разумѣется, имѣла въ общихъ дѣлахъ хозяйства и голосъ и права; но это былъ голосъ и права дѣтей, членовъ кровнаго союза, а не свободныхъ лицъ, членовъ союза общиннаго. Полагаемъ, что здѣсь существуетъ великая разница. Семья, какъ мы сказали, разрасталась въ цѣлый родъ; она становилась пожалуй общиною семей, (хотя это общее представляло все одинъ и тотъ же типъ). Существенное же положеніе ея власти отъ этого нисколько не измѣнялось. Напротивъ, отъ размноженія семьи лицо родителя пріобрѣтало еще большее освященіе; онъ уже былъ не только отецъ, но и отецъ отцовъ, *родо-начальникъ*; затѣмъ все его *рожденіе* оставалось въ тѣхъ же естественныхъ отношеніяхъ дѣтства, малолѣтства къ *родо-начальнику* и въ отношеніяхъ старшинства и меньшинства между собою, смотря по восходящему или нисходящему порядку рожденія. Никакого равенства членовъ здѣсь быть не могло. Равенство или *общее* для всѣхъ было то, что всѣ были родня между собою, всѣ имѣли и голосъ и права родни, извѣстныя права. О самостоятельной личности здѣсь нельзя и думать. Здѣсь лицо не само себя представляло, а являлось представителемъ извѣстнаго старшинства или меньшинства по степенямъ рожденія. Самый *родо-начальникъ* вовсе не былъ представителемъ собственного лица, собственной своей личности, а представлялъ онъ лишь старшинство рожденія. Въ сущности это былъ олицетворенный родъ. Личное начало совсѣмъ исчезало въ идеѣ рода. Смутное представленіе объ этомъ именно отношеніи личности къ роду, о господствѣ

что-то *общаго*, вмѣсто *личнаго*, и понудило семейно-общинную теорію вообразить здѣсь, вмѣсто рода, общину. Теперь очень трудно войти въ жизненный смыслъ понятій рода, въ эту родовую идею, трудно представить себѣ насколько въ самомъ дѣлѣ были крѣпки, совсѣмъ неразрывны эти узы рода и родства, вязавшія и путавшія личность на каждомъ шагу, во всѣхъ ея даже малѣйшихъ нравственныхъ движеніяхъ. Требовалось дѣйствительное, эпическое богатырство, чтобы вырваться изъ этихъ нравственныхъ узылицъ. Еслибъ эти узы были только семейныя, какъ должно называть ихъ по увѣренію отрицателей родоваго быта, тогда не объ чемъ было-бы и толковать. Въ характеристикѣ быта, какъ мы замѣтили, семейныя узы ничего не опредѣляютъ: онѣ въ такой же силѣ существуютъ и теперь, какъ существовали за нѣсколько вѣковъ и даже тысячелѣтій. Для личной жизни семейныя узы—необходимая нравственная сфера. Личность въ нихъ не пропадаетъ, хотя и остается нѣкоторое время пассивною въ лицѣ дѣтей. Другое дѣло именно узы рода и родства, т. е. распространеніе смысла и духа непосредственныхъ семейныхъ связей и отношеній на множество лицъ, составляющихъ уже не семью, а дѣльный родъ и въ иныхъ случаяхъ совсѣмъ постороннихъ старшей семьѣ, напр. въ лицѣ зятьевъ и невѣстокъ. Здѣсь личность совершенно теряется въ сплетеніяхъ родоваго старшинства и меньшинства и, подчиненная счетамъ этихъ сплетеній, никогда не пользуется самостоятельнымъ независимымъ положеніемъ. Такую связь людскихъ отношеній мы не можемъ называть только семейною, а тѣмъ еще меньше общинною. — Это связь въ прямомъ и точномъ смыслѣ родовая.

Такимъ образомъ, намъ кажется, что отрицатели и порицатели родоваго быта ведутъ споръ только о словахъ. Они говорятъ, что рода не было, а была *семья*, что было *семейное чувство*, *семейное начало* (жизни), какъ начало чисто нравственное, что *семейная община* любовно исполняла волю отца и т. д. Со всѣми такими утвержденіями мы согласны вполне. Семейное чувство, семейное начало жизни мы почитаемъ нравственною стихіею древнерусскаго быта, основою всѣхъ его жизненныхъ движеній. Мы только, желая вѣрнѣе и точнѣе обозначить свойства этого быта, именуемъ его не семейнымъ, а родовымъ, и въ той семьѣ, какую изобразила намъ общинная теорія, видимъ родъ, въ семейномъ чувствѣ — именно родовое чувство; въ се-

нейной общины — родовую общину или общину рода. Семейно мы именуемъ семью въ тѣломъ, т. е. въ ея собственномъ, прямомъ смыслѣ; но почитая уместнымъ перенести этотъ смыслъ на новый своеобразный періодъ жизни, для обозначенія котораго существуетъ свое, ему именно принадлежащее слово. Родъ есть семья семей, что, конечно, не одно и тоже съ семьей въ обыкновенномъ смыслѣ. Оттого родъ есть въ тоже время и община съ правами извѣстнаго равенства и представительства, какия всегда неизмѣнно принадлежали роду. Родовое чувство, родовое начало управлявшее нашими старымъ бытомъ, есть въ сущности родовая идея, которая была творцомъ нашего единства, нашей народной силы, творцомъ всѣхъ нашихъ народныхъ добродѣтелей и всѣхъ нашихъ народныхъ напастей, государственныхъ и общественныхъ.

Но была же, однако, община въ древней Руси? Дѣйствительно была и дворъ, этотъ необходимый сосудъ родового быта, своею внѣшнею стороною, тою стороною, что онъ есть собственность или часть общей земскои собственности, является единицею общиннаго быта. Дворъ былъ жилищемъ для семьи-рода, онъ же былъ земскимъ имуществомъ, частью земли, на которой сидѣло племя; въ этомъ послѣднемъ своемъ значеніи онъ и является единицею новыхъ отношеній того же племени, онъ тянетъ къ общинѣ дѣламъ земли.

Сидѣнье племени на одной землѣ, владѣнье угодьями этой земли, общее *ялло* на защиту или въ дань, какое неизбѣжно явилось отъ сидѣнья-владѣнья на той землѣ, — все это само собою становилось общимъ дѣломъ земли и создавало общинную жизнь.

Въ общинѣ земскихъ дѣлахъ кто же долженъ былъ принимать участіе въ общемъ тѣлѣ, какъ не хозяинъ земскои же единичной собственности, единичнаго хозяйства, частнаго, особнаго сидѣнья на землѣ, особнаго пользованія ея угодьями? Дворъ былъ выразителемъ этой особенности. А кто былъ выразителемъ двора? Конечно его хозяинъ, большой. Большимъ же былъ отецъ или *родо-начальникъ* и никто другой, т. е. въ собственномъ смыслѣ старшій, большой по крови. Такъ было и иначе быть не могло. Идея отца или родоначальника не умрала; въ однихъ только ея рукахъ соблюдалась власть во дворѣ хозяйства. Умирало лицо — т. е. отецъ, но идея была бессмертна: въ отца истре вступалъ старшій, большой изъ оставшихся въ живыхъ. Этотъ старшій всегда и былъ выразителемъ жилищнаго во дворѣ

досудна; естественно, что она не могла быть и выражением двора, какъ особаго земскаго имущества. Но что же собственно выражалъ онъ въ глазахъ земщины? Для нея выражалъ онъ только особое имущество, только дворъ, въ которомъ жила его рожденіе своимъ особнымъ хозяйствомъ. Земская община, это общее сидѣніе на землѣ, моремъ своихъ отношеній ничего другаго не могла признавать, какъ ту же землю, т. е. недвижимое имущество, иначе пользование землею. Изъ этого моря выросло известное равенство всѣхъ членовъ земщины. То есть какихъ же членовъ? Именно частныхъ, особнхъ владѣльцевъ земли, какими были не лица собственно, а дворы-хозяйства. Лицо здѣсь исчезало въ понятіи земской собственности, такъ какъ внутри двора оно исчезало въ сплетеніяхъ кровной связи. Для земской общины нуженъ былъ лишь хозяинъ, представитель своего особаго имущества, но не представитель собственнаго лица. На особомъ хозяйствѣ могла жить одна семья, могли жить нѣсколько семей, цѣлый родъ, со многими домохозяевами; но для земской общины всѣ лица, жившія при хозяйствѣ, т. е. жившія на особомъ земскомъ хозяйствѣ, не имѣли значенія и никакого смысла. Для нея смыслъ заключался въ одномъ лишь хозяйствѣ этого хозяйства или въ тѣснахъ и непосредственномъ смыслѣ въ самомъ хозяйствѣ съ его представителемъ. Такимъ образомъ земская община, было ли то въ деревнѣ, въ городѣ, въ цѣлой области, являлась въ существенномъ своемъ смыслѣ общиною хозяйствъ, а не людей, именно общиною дворовъ, совокупностью хозяевъ домовладыкъ, какъ представителей частныхъ отдѣльныхъ хозяйствъ. Въ ней лицо разсматривалось лишь съ имущественной земской точки зрѣнія, съ точки зрѣнія владѣнія землею, сидѣнія на общей землѣ. Ясно, что здѣсь не было мѣста для нравственныхъ опредѣленій личности, для личности самой по себѣ, для свободной личности въ нравственномъ ея значеніи и смыслѣ, а слѣд. не было и нравственнаго равенства лицъ. Здѣсь существовало одно только имущественное равенство лицъ; здѣсь людей — хозяевъ, равняло лишь имущество, а не нравственное достоинство человека. Здѣсь не видѣлось даже пути для выработки личной нравственной, а вмѣстѣ съ нею юридической и политической свободы, но той причинъ, что не личная свобода, а земское имущество составляло здѣсь почву для дѣйствій важнаго члена. Здѣсь наиболѣе независимое положеніе, собственно не свободное, а своеобразное, личность могла приобрести лишь

посредствомъ богатства, посредствомъ большого имущества, сравнительно съ другими, т. е. въ существенномъ смыслѣ здѣсь получало наибольшую свободу дѣйствій и относительную независимость одно лишь богатое имущество. Земская община въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи всегда и вырабатывала только аристократію богатства, всегда выделяла нѣсколько богатыхъ, а потому какъ бы аристократическихъ родовъ (опять таки не лицъ), которые обыкновенно и заправляли всѣми движеніями общины, опредѣляли и выражали ходъ ея исторіи. Не личность своею нравственною и политическою свободою, своими нравственными и политическими правами давала смыслъ такой общинѣ, а богачъ своими имущественными средствами. Имущество было основою и главною цѣлью нашей древней общины, имущество же должно было преобладать въ ней и порабощать себѣ всѣ другіе интересы. Оно должно было представлять и всегда представляло *думу* общины. Пластическое доказательство такого именно значенія нашей древней общины представляетъ знаменитая Новгородская община. Никто не станетъ сомнѣваться, что развитіе Новгорода, какъ общины, началось съ той же первородной кѣлочкы, какая создавала общину по всей землѣ, именно съ двора-хозяйства, съ общины деревенской. Уже въ незапамятные для исторіи времена эта община является политическою силою. Она же и начинается нашу исторію призваніемъ варяговъ. Мы видимъ, что варяги понадобились именно для того, чтобы побороть зло, которое по неизбѣжнымъ общиннымъ же причинамъ народилось въ общинѣ. Исторія открывается тѣмъ, что жизнь общины владѣютъ и управляютъ *роды*: „и вѣта родъ на родъ“; что варяги призываются противъ этого владѣнья и управленья. Какіе же это *роды*? Да тѣже, которые владѣютъ и управляютъ Новгородской жизнью во всю послѣдующую исторію: *передние*, богатые и потому *знатные* роды. Исторія черезъ *шесть сотъ* лѣтъ оканчивается тѣмъ, что такіе же роды и по такимъ же причинамъ призываютъ новаго Рюрика—Московского государя. Что же выработано въ 600 лѣтъ? Все то же, что и въ остальной Русской землѣ. Выработано вотчинное право, котораго различіе заключалось лишь въ формѣ его политическаго представительства. Въ южной Руси это представительство выражалось въ цѣломъ княжескомъ родѣ; въ сѣверо-восточной стало выражаться въ одномъ лицѣ, государѣ-вотчинникѣ; въ Новгородѣ оно выражалось въ общинѣ-городѣ; вотчинникомъ былъ городъ, который въ этомъ

иненно смыслѣ и сталъ потомъ называть себя также *государями*. Въ сущности же вотчинникомъ были родовитые, знатные и богатые его дворы. Это повсюду было сверху; а внутри, въ глубинѣ жизненныхъ отношеній, все оставалось одинаковымъ. Смердъ вездѣ оставался смердомъ; и вездѣ шла подземная борьба меньшихъ людей съ большими. Родъ, какъ нравственная сила, всюду господствовалъ и пригнеталъ личность. Свобода личности не была вовсе мыслима, ни въ вотчинѣ государственной, ни въ общинѣ народной, хотя бы и новгородской. Вершиною новгородской свободы было своеволие меньшинства (богатыхъ родовъ) или своеволие большинства, бѣдныхъ, меньшихъ родовъ, вообще своеволие силы. Между этими двумя видами общинной свободы и колебалась вся новгородская исторія, до своего конца. *Уравнителемъ* такихъ свободныхъ движеній жизни и въ народной общинѣ и у себя въ отчинѣ является все тотъ же рюрикъ, государь вотчинникъ, представитель личнаго начала, а слѣдовательно и будущій освободитель личности.

Въ самой Москвѣ, когда она устроилась окончательно въ государственную вотчину, мало по малу стало обнаруживаться тоже самовластіе большихъ родовъ надъ всею землею; но здѣсь оно встрѣтило кровавый отпоръ въ лицѣ Грознаго, безъ всякой пощады истреблявшаго этотъ ветхій духъ родового своеволия.

Такимъ образомъ наша древняя община ничег. не выработала, да и не могла ничего выработать для нравственнаго и социальнаго освобожденія личности. Она ничего не выработала даже и для матеріальнаго ея освобожденія, ибо новгородская община, какъ община имущественная, вовсе не мыслила одинаковъ о равенствѣ, напр. о равномъ распредѣленіи земской собственности между всѣми членами общины. У ней, какъ и въ государственной вотчинѣ, земская собственность была раздѣлена слишкомъ неравномѣрно; у ней, какъ и въ государственной вотчинѣ, существовало только равенство правъ на землю, т. е. на пользованіе землею для каждаго плательщика даней, а это составляло первозданную стихію русской народной жизни по всей русской землѣ. Эта-то стихія и сохранила русскій народъ отъ всѣхъ историческихъ и всякихъ вражескихъ напастей; она же создала и государство, именно какъ охрану и защиту отъ тѣхъ напастей.

Какъ бы ни было, но земская община, даже въ своемъ первоначальномъ видѣ, въ политической своей формѣ, какою были

Новгородъ, Псковъ, Вятка, не въ силахъ была высвободить личность и создать для нея равенство правъ нравственныхъ и социальныхъ, въ чемъ заключается все существо дѣла.

Бытъ народа мы называемъ *общиннымъ*, желая совсемъ устранить другое его опредѣленіе: *родовое*, какъ противрѣчащее нашему представленію о существѣ общинной идеи. Но чего же мы ищемъ въ этомъ опредѣленіи и что именно хотимъ въ немъ обозначить. Народный бытъ выражаетъ себя и реально, въ наивѣстныхъ формахъ; и не реально, одними идеями, которыя незамѣтно имъ движутъ, дѣйствуютъ въ немъ, и которыя всегда гдѣ-то скрываются отъ нашихъ глазъ; стало быть и характеръ народнаго быта можно опредѣлять реальными обозначеніями вѣрнѣе сказать *дѣловыми*, и идеальными, иначе нравственными. Бытъ земледѣльческій, военный, торговый, промышленный, казачій, охотничій и т. д., все это будутъ обозначенія реальныя, дѣловыя, обозначенія *дѣла*, какимъ занимается народъ. Мы думаемъ, что и бытъ общинный есть вебожье, какъ только общее, какъ бы материковое обозначеніе, однихъ лишь реальныхъ, дѣловыхъ отношеній народа. Община вообще значитъ связь людей на общемъ дѣлѣ; община земская означала связь людей по землѣ, собственно связь земли, — связь народа, какъ земли, т. е. какъ реальной сущности народныхъ отношеній. Другаго смысла община не могла имѣть, ибо зачаткомъ ея было всегда представленіе о человѣкѣ въ его имущественномъ положеніи. Община выражала лишь связь имущественныхъ, слѣд. матеріальныхъ отношеній, вебожье.

Ошибочное представленіе объ общинѣ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что ее почитаютъ связью отношеній нравственныхъ, о чемъ она сама, какъ мы говорили, никогда не думала, да и до сихъ поръ не думаетъ. Между тѣмъ при опредѣленіи бытоваго начала важны лишь одни отношенія нравственныя, которыя всегда и составляютъ основной узелъ народнои жизни и управляютъ ходомъ ея развитія. Народъ выражаетъ свой бытъ многими формами и одна изъ такихъ формъ есть община, какъ есть другая, существующая рядомъ съ нею, вотчина; какъ есть третья — семья, и т. н.; все это только формы. Но гдѣ же идемъ, общая всему быту, гдѣ нравственная сила управляющая всѣми формами, гдѣ этотъ духъ, проникающій всякую форму и весь бытъ вообще? Общій характеръ народныхъ нравственныхъ связей и отношеній долженъ, по

нашему миѣнію, раскрывался ближе всего въ отношеніяхъ со-
житія или общежитія, въ той сферѣ, которую мы теперь обо-
значаемъ словомъ *общество*, общественность, т. е. въ сферѣ люд-
скихъ отношеній, независимо ни отъ какихъ частныхъ, случай-
ныхъ средствъ и формъ быта, обозначающихъ то или дру-
гое положеніе личности, и вовсе не обозначающихъ основной
смыслъ или ступеніи личныхъ отношеній.

Какъ и на чемъ построены были отношенія общежитія — вотъ
существенный вопросъ и вотъ гдѣ настоящее мѣсто нашихъ
разсужденійъ объ общемъ характерѣ народнаго быта. Поте-
ннѣе и путаница нашихъ понятій о характерѣ нашего древ-
няго быта происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что мы
смѣшиваемъ идею общины съ идеей общества, вообще смѣши-
ваемъ понятія о формахъ быта съ понятіями о его началахъ.

Фундаментомъ общины, основнымъ ея камнемъ было не лицо,
не нравственная личность, а извѣстная матеріальная доля того
матеріальнаго общаго, которое, какъ общая выгода, связывала
людей. Лицо въ этомъ случаѣ было только юридическимъ пред-
ставителемъ своей матеріальной доли, — и въ существенномъ
смыслѣ всегда разсматривалось съ точки зрѣнія чисто мате-
ріальной, съ точки зрѣнія годности или негодности для выра-
женія того матеріальнаго цѣлаго, котораго долю оно изобра-
жало. Во владѣннѣ землею — хорошій плательщикъ или носибникъ
общиннаго земснаго дѣла, напр. защитѣ отъ враговъ и т. п.;
въ торговлѣ — капиталъ, въ промышленности или въ ремеслѣ
утилье; словомъ сказать въ общинѣ, не исключая ни какую дру-
гую, никакую артель, — личность цѣнилась лишь со стороны
прямаго пособничества тому дѣлу, которое соединяло людей.
Нравственная сфера, какъ и нравственный смыслъ лица здѣсь
были въ сторонѣ, не были главною руководящею силою. Лицо
здѣсь имѣло земснаго, торговый, промышленный смыслъ, но не
нравственный. Общество на оборотъ всю силу полагаетъ въ
нравственномъ смыслѣ человеческой личности. Здѣсь фундамен-
томъ, основнымъ камнемъ лежитъ нравственное значеніе лич-
ности. И само собою разумѣется, что нравственная постройка
общества волюнѣ зависитъ отъ того, какъ понимается это нрав-
ственное значеніе личности, т. е. въ чемъ оно заключается.
Извѣстно, что нравы общества съ теченіемъ времени измѣня-
ются, а вмѣстѣ съ ними измѣняется и воззрѣніе на нравствен-
ный смыслъ личности. Можно сказать, что каждый вѣкъ, что

либо дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, каждый вѣкъ вырабатываетъ такую либо долю общаго сознанія о существѣ нравственной личности человѣка, т. е. о существѣ человѣческаго достоинства. Какъ же понималъ и какъ сознавалъ это достоинство нашъ русскій древній вѣкъ? Каково было наше древнее общество, какова была наша древняя общественность, эта дѣйствующая нравственная сила народнаго развитія, эта нравственная система или нравственный складъ житейскихъ отношеній? Какая нравственная сила служила основаніемъ нашему древнему обществу; изъ какой органической кѣлочкы образовалось русское общество?

Мы уже говорили что органическою кѣлочкою нашего допетровскаго общественнаго быта былъ родъ, что родительское, патріархальное начало управляло всѣмъ ходомъ нашей допетровской жизни.

Но что же такое было это родительское, патріархальное или родовое начало жизни? Это было начало или *стихія родительской опеки*, стихія *старшей воли*, идеаломъ которой было родовое старшинство. Это старшинство одно почиталось выше всякихъ другихъ достоинствъ человѣка, оно одно и было главнымъ, начальнымъ достоинствомъ человѣческой личности. Родительская опека съ идеаломъ родоваго старшинства существовали и существуютъ вездѣ, но не вездѣ они становились стихіею жизни. У насъ не только семья и родъ, что очень естественно и обыкновенно, держались крѣпко и твердо стихіею родительской опеки; но ею же держалось все общество, ею же строилось наше государство, ею выработалась и эта необычайная государственная плотность и стойкость народа.

Родительская опека была исключительною силою нашего развитія. Она проникала всюду и все подчиняла своимъ воззрѣніямъ. Это былъ нашъ нравственный и политическій бытовой воздухъ, которымъ мы жили, дышали, въ теченіи всей нашей исторіи. Это было начало началъ нашего развитія, такое крѣпкое начало, по которому русскій народъ даже и до сихъ поръ понимается и ведется, какъ малолѣтокъ, недоросль, требующій на всякомъ шагѣ, во всѣхъ его жизненныхъ стремленіяхъ и движеніяхъ, неуспынныхъ заботъ и попеченій родительскихъ.

Самою лучшею и наиболее вѣрною характеристиккою основныхъ началъ народнаго быта всегда служить *власть*. Мы не говоримъ о власти въ ея тѣсномъ смыслѣ, о власти только по-

литической, государственной, верховной; мы говоримъ о власти, какъ о стихіи народнаго и именно общественнаго развитія; о власти, которою живетъ и держится не государственное устройство, а устройство и связь самаго общества, о власти, господствующей именно въ народномъ быту.

Власть, какъ извѣстно вырабатывается съ большимъ трудомъ и съ великими жертвами. Сама исторія каждаго народа есть ничто иное какъ выработка болѣе или менѣе правильной власти. Свойство и характеръ власти, дѣйствующей въ быту народа, обрисовываетъ свойства и характеръ самаго быта. Для уясненія характера и свойства не политической только, а вообще бытовой власти, необходимо выразумѣть: какъ сознаетъ себя въ обществѣ властный человѣкъ, не только тогда, когда онъ становится дѣятелемъ власти, но и въ томъ случаѣ, когда онъ является только членомъ общества; и потомъ, какъ понимаетъ себя въ томъ обществѣ человѣкъ безвластный, зависимый отъ власти.

Если общество сложилось путемъ завоеванія, слѣд. вообще путемъ наиболѣе сильнаго обособленія личности, то понятно, что и характеръ его власти будетъ совершенно иной, чѣмъ въ обществѣ, которое сложилось путемъ народженія. Властные, общественныя и личныя, отношенія перваго будутъ стремиться опредѣлить себя юридически, разгородятъ себя, т. е. свои отношенія отчетливо и ясно, необходимыми правами и обязанностями, отчего и характеръ власти выразится опредѣленнѣе и рѣзче, а потому, быть можетъ, суровѣе и беспощаднѣе.

Въ такомъ обществѣ власть развивается и утверждаетъ себя идеєю права, идеєю закона или вѣрнѣе, идеєю строгой опредѣленности и разграниченности жизненныхъ отношеній. Въ этомъ заключается все ея существо. Само собою разумѣется, что такое начало власти прямымъ путемъ ведетъ къ выработкѣ болѣе точныхъ и болѣе опредѣлительныхъ понятій о независимой личности человѣка, выдвигаетъ *личность* на первый планъ, и въ исторіи, и въ повседневныхъ частныхъ дѣлахъ жизни. По этому то пути прошло развитіе западныхъ обществъ, съ самой ранней эпохи поставившихъ личность выше всякихъ другихъ опредѣленій.

Наше древнее общество, какъ мы упомянули, сложилось путемъ непосредственнаго распространенія рода, путемъ непосредственнаго народженія, безъ участія какихъ либо пришлыхъ,

чуждыхъ ему элементовъ. Варяжское завоеваніе распутилось въ нашемъ быту, какъ капля въ море, почти не оставивъ слѣда. Своеобразная сила нашего быта была такъ велика, что самая реформа и можно сказать революція Натура оказалась во многомъ совершенно безсильною. Естественно, что характеръ, существо и свойство нашей русской власти вполне должны были выразить существо самого быта. Существомъ нашего быта, единственнымъ и вполне непосредственнымъ его источникомъ, единственною и непосредственною его силою былъ родъ. Поэтому наша древняя власть была власть по преимуществу родовая. Гдѣ бы и въ какой бы формѣ она не возникала, она вездѣ и всегда была властью отеческою со всеми своими свойствами, съ одной стороны, съ непоколебимою жестокостію безотчетнаго произвола, предъ лицомъ котораго не могло существовать даже и малѣйшихъ понятій о какомъ либо правѣ; а съ другой съ тою любовію родственностію въ отношеніяхъ, которая всегда ставила ее въ непосредственныя родственныя, братскія отношенія къ подвластной средѣ. Такими свойствами нашей власти и самого быта определяется и особенное своеобразіе нашей исторіи. Въ западномъ обществѣ въ основу бытового развитія, а слѣдоват. и въ основу бытовой власти легли отношенія завоевателей, дружинниковъ или собственно право сильного, слѣд. право личное. Тамъ властные отношенія и властный человѣкъ всегда, вездѣ и во всемъ руководились этою основною идеею своей жизни; властный человѣкъ всегда и вездѣ понималъ себя, чувствовалъ себя, какъ побѣдитель; подвластный понималъ и чувствовалъ себя, какъ побѣжденный. Оба чувствовали себя чужими другъ другу и на этой идеѣ устанавливали свои отношенія. Бытовою связью людей руководило тамъ по преимуществу право, законъ. У насъ, на оборотъ, всякое движеніе жизни, всякое бытовое отношеніе, и всю бытовую связь людей одухотворялъ смыслъ рода. Все наше общество по духу своей внутренней жизни представляло одну громадную совокупность *родни*, гдѣ не было и не могло быть членовъ, строго разграниченныхъ своими правами. По этому у насъ всѣ общественныя разряды людей или ихъ отношеній, напр. сословія, сливались можно сказать органически въ какую то общую, жизненно—цѣльную массу, такъ что трудно указать, гдѣ собственно начинается и гдѣ оканчивается тотъ или другой разрядъ. Все по своему духу сливалось въ одинъ жизненно—цѣльный организмъ рода. И такъ какъ родъ разгра-

ничиваетъ людей только по раздѣленію, т. е. на лестницѣ естественнаго старшинства, то очевидно, что въ этомъ организмѣ всѣ частицы должны были распределять и различать свои отношенія только въ игру такого старшинства. Такъ наши старыя предки и понимали себя, и разверстывали по этому смыслу всѣ свои бытовые отношенія. Старшіе, т. е. почему либо властные, идеализировали себя или свое общественное положеніе характеромъ отцовъ, свою власть характеромъ власти отеческой; младшіе, т. е. подвластные въ какомъ бы ни было смыслѣ, идеализировали свое положеніе характеромъ дѣтей, вообще малолѣтныхъ, несовершеннолѣтнихъ. Смыслъ такихъ именно, а не другихъ житейскихъ отношеній высказывался всюду, во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ обстоятельствахъ, во всѣхъ частныхъ и общихъ случаяхъ; съ эпическою первою данною наивностью, которая очень наглядно обнаруживалась, какъ еще глубоко и широко лежали въ общественной почвѣ корни быта доисторическаго.

Если западный властный членъ въ средній вѣкъ своей исторіи, смотря въездѣ побѣдителемъ, завоевателемъ, смотря на подвластную среду, какъ на свое завоеваніе; то нашъ властный членъ даже и до сихъ поръ смотритъ отцомъ — опекуномъ, смотритъ на подвластныхъ или вообще на меньшихъ, подчиненныхъ, какъ на малолѣтныхъ, несовершеннолѣтнихъ, недорослей въ общественномъ смыслѣ и никогда не думаетъ, какъ думалъ Петръ Великій, что онъ прежде всего только первый, передовой слуга обществу; а напротивъ, всегда убѣжденъ, подобно царю Алексѣю Михайловичу, что для управляемаго общества онъ отецъ — опекунъ, что его обязанности къ обществу, равно какъ и права, суть обязанности и права отеческія, опекунскія, а не гражданскія. Въ этомъ-то заключается все глубокое, коренное различіе нашего востока отъ европейскаго запада; отсюда и различіе исторіи, культуры, всей жизни, со всѣми ея понятіями и движеніями.

Строгое разграниченіе правъ побѣдителей и побѣжденных на западѣ, это отчетливое пониманіе, чувствованіе себя чужими другъ другу, совершенное отсутствіе въ бытавыхъ общественныхъ отношеніяхъ понятій *родни*, поставило тамошнее общество, какъ говорится, на ноги; но вѣсть съ тѣмъ повело къ выработкѣ такихъ же строгихъ, точныхъ и до мелочей отчетливыхъ опредѣленій равноправности и полноправности человѣческой лично-

сти вообще; повело къ учению и практическому водворенію идеи о правахъ человѣка, какъ человѣка, независимо отъ его случайныхъ, т. е. родовыхъ, политическихъ или общественныхъ опредѣленій; однимъ словомъ выдвинуло на первый планъ бытовыхъ отношеній достоинство человѣческой личности, эту неренную и неизмѣнную силу человѣческаго развитія. Къ той же цѣли мы должны были идти инымъ путемъ. Родовой духъ, управлявшій нашимъ развитіемъ, по свойству и характеру собственнаго своего начала, препятствовалъ строго и точно разпредѣлить или разграничить возникавшіе у насъ права и бытовые отношенія; онъ сливалъ все въ одну нераздѣльную массу родства. Личность въ строгой опредѣленности своихъ правъ была для него явленіемъ совершенно непонятнымъ. Онъ понималъ личность только, какъ извѣстное *рожденіе*, старшее, или младшее, но не болѣе какъ *рожденіе*. Для него личность служила только выразителемъ извѣстнаго рода, отчества. Она опредѣлялась только правами родовыми, а не личными.

Державшееся родовымъ духомъ наше общество въ своемъ социальномъ развитіи ничего другаго не могло и выработать, какъ одно плотное, жизненно—связное единство. Такимъ образомъ, къ социальному единству мы шли черезъ *рода*, въ то время, какъ западное общество шло къ нему же черезъ *личность*. Тамъ община явилась совокупностью независимыхъ другъ отъ друга, равноправныхъ личностей, у насъ совокупностью родни. Тамъ въ жизни господствовала идея личности, у насъ идея родни, иначе идея дѣтской зависимости.

Общество, если обозначимъ этимъ словомъ такъ называемый *смысл* или по старому *міръ*, т. е. существо и складъ людскаго общежитія, людской общительности и общественности, — вверху какъ и внизу, во всѣхъ своихъ сферахъ и видахъ, основою своихъ отношеній кладетъ всегда извѣстное достоинство личности, извѣстную *честь* лица, разумѣя въ этомъ совокупность личныхъ или другихъ какихъ качествъ, наиболѣе уважаемыхъ, и наиболѣе цѣнныхъ въ человѣкѣ. Словомъ сказать, всякое общество всегда живетъ идеаломъ хорошаго человѣка, понимая и рисуя этотъ идеалъ подъ условіемъ своего развитія, своего времени, своего гражданскаго положенія, своихъ началъ жизни. Западная средневѣковая личность искала такой идеалъ сама въ себѣ, въ своихъ собственныхъ доблестяхъ, въ высотѣ собственнаго своего достоинства, ставила цѣлью своихъ идеа-

ливаціи самое себя, свою индивидуальность. Рыцарь не потому становился рыцаремъ, что его посвящали въ это званіе, а потому именно, что личными качествами и доблестями онъ вполне достоинъ былъ этого посвященія, воплощалъ собою идеаль достойнаго человѣка.

У насъ, наоборотъ, идеаль хорошаго, достойнаго человѣка личность искала не въ самой себѣ, а въ своемъ *отечествѣ*, въ своемъ родѣ, именно въ своемъ родовомъ старшинствѣ. По нашимъ старымъ понятіямъ человѣкъ почитался въ обществѣ достойнымъ не потому, что на самомъ дѣлѣ высокъ былъ своими нравственными или умственными качествами или какими заслугами и доблестями, а прежде и первѣе всего потому, что высокъ былъ своимъ родовымъ старшинствомъ, т. е. старшинствомъ своего рода или старшинствомъ въ своемъ родѣ. По крайней мѣрѣ такъ, а не иначе, думало объ этомъ общество, такъ понимала личное достоинство наша старая общественность. Мѣсто въ обществѣ человѣку указывали его родъ, его отечество, а не личные таланты или доблести.

Общественное значеніе личности лучше всего конечно характеризуется понятіями о личной чести. Рыцарская честь строго и щекотливо охраняла именно неприкосновенность личности, придавала личности высокой нравственный смыслъ и всегда была готова поддерживать этотъ смыслъ съ рѣшимостью Донъ Кихота. Честь рыцаря лежала въ идеѣ собственнаго его достоинства. Напротивъ, честь русской личности лежала въ идеѣ достоинства ея рода или ея отечества. Русская боярская честь, т. е. самая развитая и высокая по общественному положенію, съ такимъ же донкихотствомъ ставила личность подъ батоги (палки), кидала въ тюрьму, кидала подъ столъ за царскимъ обѣдомъ, подвергала ее жестокой царской опалѣ и все это дѣлала съ единымъ стремленіемъ охранить неприкосновенность своего рода или отечества¹. Лицо здѣсь было только средствомъ, орудіемъ для охраненія и возвышенія представленій о чести рода.

Вообще въ нашемъ обществѣ, *отечество* личности, ея родовое *кровное* значеніе почиталось высшимъ ея достоинствомъ, существеннымъ достоинствомъ вообще человѣка. На понятіяхъ о та-

¹ Самое слово *честь* родственно съ словомъ отецъ и безъ сомнѣнія отъ него происходитъ. *Чтитъ* образовалось изъ *отчитъ*, относиться къ человѣку, какъ къ отцу, воздавать человѣку уваженіе отеческое.

номъ только достоинствѣ построилась вся наша старая общест-венность, которая въ существенномъ смыслѣ была лѣтвицею родоваго, а по его идеаламъ и всякаго другаго старшинства, такъ что каждый членъ ея, на какую бы ступень не восходилъ, всегда и вездѣ становился выше однихъ, младшихъ, и ниже другихъ, старшихъ, по ступенямъ этой лѣтвицы.

Самымъ определеннымъ и законченнымъ выраженіемъ нашей древней *общественности* служитъ известное *мѣстничество*, которое напрасно рассматриваютъ съ одной только оофициальной точки зрѣнія, какъ оофициальное какое то учрежденіе или установленіе въ родѣ таблицы о рангахъ. Оофициальный характеръ оно приобрѣло отъ оофициальной или собственно служебной среды, въ которой стало дѣйствовать и которую оно стремилось пересилить, подчинить собственнымъ своимъ искони—вѣчнымъ уставамъ и порядкамъ. Дѣйствительно, происхождение мѣстничества скрывается въ глубокой древности. Въ древній періодъ нашей исторіи оно не обнаруживало своихъ споровъ, стычекъ, и стало быть не обнаруживало какъ бы самого существованія потому, что въ то время оно было господствующею силою общест-венности, было святынею, непоколебимымъ, неизмѣннымъ и несомнѣннымъ жизненнымъ положеніемъ, которое оспаривать, съ которымъ бороться не представлялось ни причинъ, ни случаевъ. Оно стало обнаруживать свое существованіе, т. е. свои движенія или споры, лишь съ той минуты, когда должно было вступить въ борьбу съ опаснымъ своимъ противникомъ — съ идеею государственности. Оно намъ и извѣстно несравненно больше только стороною этой борьбы; т. е. своею отрицатель-ною, а не положительною стороною. Положительную его сторо-ну наука еще до сихъ поръ не успѣла привести въ должный порядокъ и выяснить.

Когда, въ замѣнъ родовыхъ, кровныхъ опредѣленій лица, въ замѣнъ родовыхъ достоинствъ личности, новорожденная госу-дарственность поставила служебныя ея достоинства, достоинства личной службы государю и его государству; — старая обществен-ность ни какъ не могла понять этого новаго шага въ народномъ развитіи и встрѣтила враждебно эту новину жизни, боролась съ нею до послѣднихъ силъ и до послѣднихъ дней, даже и послѣ того, какъ мѣстнический уставъ оофициально былъ упраздненъ.

Само великое самодержавіе, истребляя на своемъ пути всѣ чуждые ему элементы, разрушая побѣдоносно устройство цѣ-

льхъ и большихъ общинъ, упраздня цѣлыя княжества, изводя цѣлые княжескіе и боярскіе роды, не находило однакожъ достаточно силы обуздывать мѣстныя счеты, не находило ни какой возможности разомъ покончить съ этими счетами и большею частью или подчинялось имъ или уклонялось отъ нихъ, обходя ихъ какими либо косвенными путями. И это понятно. Легко было побѣдить какой либо вышній, формальный строй жизни или упразднить значеніе и даже самое существованіе цѣлаго ея порядка; но совѣтъ было невозможно одною лишь волею разорить бытовой некончивчій строй народной общественности. Здѣсь приходилось считаться не съ личностями только, не съ вольными городами или княжествами и знатными родами, а съ нравственнымъ складомъ народной жизни, который могъ уступить не личной волѣ самодержца, а только нравственному же складу, построенному на другихъ началахъ.

Достоинство личной службы, внесенное самодержавіемъ въ среду общественныхъ отношеній, и было такимъ новымъ нравственнымъ началомъ жизни, способнымъ измѣнить ея ветхую старину. Оно было зародышемъ той новой организаціи общественныхъ убѣжденій и представленій, которая постепенно и послѣдовательно вела къ раскрытію и выясненію понятій о человѣческомъ достоинствѣ вообще, о достоинствѣ челоука, какъ челоука, помимо всякихъ другихъ опредѣленій его личности, и родовыхъ и даже служебныхъ, которыя явились на сцену этимъ родовымъ.

Намъ, быть можетъ, скажутъ, что силы нашей древней общественности лучше всего отыскивать въ вѣчѣ, въ этой самой осязательной формѣ русскаго древняго общества. Мы и не думаемъ отрицать такого именно значенія нашего вѣча. Но мы думаемъ, что мѣстничество, какъ порядокъ мѣсть, оно-то именно и есть выраженіе нашего древняго вѣча, вѣчеваго собранія съ вышней его стороны: оно-то и есть его реальная форма, т. е. форма собравшагося общества. Мѣстничество, какъ порядокъ мѣсть, служило выраженіемъ собравшейся государевой думы, а что такое была государева дума XVI и XVII ст., какъ не та же дружина, по крайней мѣрѣ по формѣ, если не по духу, ибо духъ ея въ это время, какъ мы знаемъ, отлетѣлъ уже навсегда. Въ исторіи форма всегда долго переживаетъ свою идею. Дружина, собиравшаяся съ княземъ на думу, собиравалась собственно на вѣче. Дума и вѣче — синонимы въ смыслѣ совѣта, совѣщанія.

Мѣстническій распорядокъ мѣстъ былъ формою собравшагося общества дружины, или формою вѣчеваго собранія. Этотъ распорядокъ мѣстъ не зависѣлъ ни отъ чьей воли, даже и отъ воли великаго самодержца, каковъ былъ напр. Иванъ Грозный, который ничего не могъ подѣлать съ такою старою и крѣпкою формою русскаго быта. Чтобы разрушить ее, Грозному надо было сдѣлать то, что сдѣлалъ Петръ, т. е. совсѣмъ смѣшать пашки; но въ то время Грозный и самъ еще не былъ готовъ для этого. Распорядокъ мѣстъ въ думѣ, какъ мы сказали, не зависѣлъ ни отъ чьей воли; онъ вполне зависѣлъ отъ самого *устава* жизни, т. е. отъ устава общественныхъ отношеній личности. Мѣстничество и было формою этихъ общественныхъ отношеній лица. Оно и указывало мѣсто для личности, когда она являлась въ обществѣ, являлась членомъ общественнаго союза.

Мы не знаемъ ни порядка, ни уставовъ, какъ собиралось знаменитое новгородское вѣче — этотъ высшій типъ всеародной, а не дружинной только думы. Исслѣдователи новгородской старины не дають намъ ничего яснаго, опредѣлительнаго въ этомъ отношеніи, отзываясь тѣмъ, что нѣтъ объ этомъ подробныхъ свѣдѣній. Однакожь необходимо знать: собиравшіеся на вѣче люди, какъ становились или какъ садились, или кто сидѣлъ и кто стоялъ, словомъ сказать, въ какомъ порядкѣ размѣщались собравшіеся вѣчники. Что какой либо порядокъ былъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, особенно на вѣчахъ ежедневныхъ, обыкновенныхъ, а не бунтовыхъ; да и бунтова вѣча, всетаки были совѣщаніемъ, думою, слѣд. не могли же происходить безъ всякаго порядка. Намъ кажется, что вѣчевой порядокъ, размѣщеніе собравшихся вѣчниковъ-думцевъ вполне высказывается уставомъ вѣчевыхъ рѣшеній, а объ этомъ мы имѣемъ весьма положительное свидѣтельство еще отъ XII вѣка, отъ эпохи, когда вѣчевая сила господствовала по всей землѣ.

„Новгородцы бо изначала и Смоленяне и Кыяне и Полочане и вся власти (волости), якоже на думу на вѣча сходятся, на что же *старѣйшим* сдумаютъ, на томъ же пригородѣ стануть.... Како намъ любо, такоже створимъ, говорили старые города Ростовъ и Суздаль о мезинномъ городѣ Володимирѣ: онъ есть пригородъ нашъ“. Вотъ основная идея древнихъ вѣчевыхъ рѣшеній. (Лавр. 160).

Если таково было существо вѣчевыхъ рѣшеній, то можно кончать, что по его же смыслу строилась и вся форма вѣчеваго

собранин, что въ думѣ на вѣчѣ первая честь должна была принадлежать старѣйшимъ; мѣсто же служило только выраженіемъ, обозначеніемъ этой чести. Стало быть первая честь и первое мѣсто по необходимости отдавалось старѣйшему. Умъ вѣка почиталъ это дѣло несомнѣннымъ и неизмѣннымъ, а потому не являлись и самые счеты о мѣстахъ, т. е. мѣстничество въ его собственномъ смыслѣ. Онц, какъ сказано, стали являться тогда, когда родовое начало стало разлагаться, когда въ него стало вторгаться личное начало слуги государева, изъ котораго потомъ народился и слуга государству, какимъ и былъ первымъ Петръ Первый. Убѣжденіе вѣка тотчасъ же само разрѣшало сомнительные въ этомъ отношеніи случаи, что мы и видимъ въ томъ же Новгородѣ: въ 1211 г. посадникъ Твердиславъ уступаетъ свое мѣсто по своей волѣ *старѣйшему себѣ*, Дмитру Якуничу, пришедшему тогда изъ (Кіевской) Руси ¹. Если все это было такъ, то вѣче и по духу своихъ совѣщаній и рѣшеній и по формѣ людскихъ отношеній походило на собравшуюся *родню*, которая совѣтуется о семейномъ дѣлѣ. Это была община хозяевъ, разумѣвшихъ себя больше родными, чѣмъ независимыми друга отъ друга и юридически опредѣленными личностями.

Оттого такая неопредѣленность, неясность вѣчевыхъ отношеній, оттого не существуетъ ни въ лѣтописяхъ, ни въ актахъ никакихъ подробностей о вѣчевомъ порядкѣ жизни. Оттого новгородская душа не любитъ закона, связывающаго дѣятельность, какъ замѣчаетъ г. Костомаровъ (стр. 147, т. 2). Не зачѣмъ, было опредѣлять то, что искони было опредѣлено и существовало, какъ стихія жизни, было для всѣхъ ясно, всѣмъ известно и понятно, какъ божій день. Житейскія отношенія *родни* опредѣляются сами собою и не требуютъ себѣ въ помощь юридическихъ какихъ либо обозначеній лица. Незачѣмъ было опредѣлять людскія отношенія, давать имъ законъ и порядокъ, ибо они опредѣлялись сами собою, т. е. силою родовой идеи, въ нихъ господствовавшей.

Итакъ, наше старое общежитіе въ своихъ отношеніяхъ и даже въ своихъ формахъ строилось и руководилось родовой идеею, идеею родства; наше старое общество въ существѣ своемъ значило то, что значить слово родня; духъ нашей старой общественности былъ духъ родства, а не общества, ибо

¹ П. С. Р. Л. III, 31.

идея общества, идея общественная живет и развивается равенствомъ лицъ, равенствомъ правъ, равенствомъ достоинствъ; напротивъ, родовая идея живет и развивается понятіями старшинства, слѣд. понятіями неравенства, мѣстничества, вообще понятіями достоинствъ родовыхъ, а не личныхъ, видовыхъ. Въ ней господствуетъ одно лишь, такъ сказать, физическое равенство, равенство природы, т. е. равенство родни, которое и производитъ для нашихъ теперешнихъ глазъ оптической обманъ, именно въ разсужденіи равенства общественнаго, социальнаго. Древнее право представительства, право вѣча, право думы, суть одно естественное право родни, по которому она непременно должна участвовать въ общихъ дѣлахъ своего рода. Самое вѣче по формѣ и по смыслу своихъ отправленій служило полнымъ выраженіемъ этого права. На вѣчѣ все дѣлалось и совершалось какъ то неопредѣленно, не правомѣрно, какъ то по родственному, по братски, полюбовно, а въ сущности все дѣлалось и совершалось подчиненіемъ разуму и волѣ старѣйшихъ: что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и притороды, т. е. молодшіе, стануть.

Вотъ почему и земскіе соборы XVI и XVII вѣка являются въ полномъ смыслѣ только совѣщаніями родни, не нося въ своихъ формахъ ничего опредѣлительнаго, законнаго, правомѣрнаго, такими совѣщаніями, гдѣ съ полною откровенностью родственника возможно было высказывать все, что угодно; рѣзко обличать существующую неправду; прямо, открыто указывать злоупотребленія и виѣсть съ тѣмъ заявлять свои исключительно эгонистическіе интересы, вовсе не помышляя объ интересахъ общихъ; говорить обо всемъ и нечего не рѣшать, въ увѣренности, что рѣшеніе само собою явится мыслию и волею старѣйшей власти. Таковъ былъ смыслъ и характеръ нашего народнаго представительства въ теченіи всего древняго періода нашей исторіи и на вѣчахъ, и на соборахъ, и на мірскихъ сходкахъ: что старѣйшіи сдумаютъ, на томъ и меньшіи стануть. Для меньшихъ, рѣшать дѣла, согласно своему мнѣнію, существовало только одно право, право своей воли, которое разумѣется всегда и утверждалось усобицею.

Мы разсматривали отношенія родовой идеи къ обществу и общественности, и старались объяснить, что духъ нашего древня-

го общества и общественности былъ духъ родовой власти и оеки, что эта власть и оека была начальною, господствующею стихіею русской жизни вообще. Намъ необходимо остановиться теперь на дѣйствіяхъ этого духа въ личной жизни нашихъ предковъ: раскрыть по возможности, какъ его силами и вліяніемъ воспитывалась и выработывалась для жизни русская личность.

Подобно тому, какъ древняя наша общественность нашла себѣ типическое выраженіе въ мѣстничествѣ, такъ и родоваѣ власть, стремившая эту общественность, вполне и типически выразила себя въ известномъ Домостроѣ. Это памятникъ неоднѣннаго значенія для нашей исторіи, это цвѣтъ и плодъ, съ одной стороны, писанаго ученія, которое какъ разъ пришлось въ ростъ и въ мѣру нашему непосредственному бытовому развитію, нашимъ непосредственно созданнымъ своенароднымъ и своеобразнымъ идеаламъ жизни; съ другой стороны, это цвѣтъ и плодъ исконныхъ нравственныхъ и хозяйственныхъ уставовъ нашего быта. Домострой есть зеркало, въ которомъ мы наглядно можемъ изучать и раскрывать всѣ, такъ сказать, подземныя силы нашей исторической жизни. Это зеркало нашего древняго домашняго быта, зеркало нашего допетровскаго развитія, зеркало общества и общественности. Предъ этимъ зеркаломъ, то есть подъ его сильнѣйшимъ вліяніемъ, совершилась постройка и нашего государства, которое въ своемъ существѣ и до сихъ поръ еще носитъ много тѣхъ же началъ и тѣхъ же положеній и опредѣленій жизни, какими исполненъ этотъ многовѣковой источникъ нашего развитія.

Извѣстно, что Домострой написанъ или, вѣрнѣе и точнѣе, записанъ, собранъ въ порядокъ, въ половинѣ XVI вѣка, благовѣщенскимъ попомъ Сильвестромъ, новгородцемъ по происхожденію. Дѣло, конечно не въ томъ, кто его записалъ, т. е. кто собралъ въ одно мѣсто живыя и писаныя ученія, существовавшія изъ-поконъ вѣка, „како строити домъ“ и весь свой бытъ: священникъ Сильвестръ или другой кто — это все равно. Составитель былъ только редакторомъ этого памятника и если бы онъ что и прибавилъ свое, личное, то это свое такъ было обще для всѣхъ, что нѣтъ никакой возможности его указать. Здѣсь выражалась не личность, а все общество, почему и собирателемъ кодекса явился именно священникъ, какъ личность въ полномъ смыслѣ общественная. Поученіе и наказаніе „како жити

христианомъ“, изъ котораго возродился и развилъ свои положенія Домострой, искони было прямымъ дѣломъ духовныхъ отцовъ, иначе назвать — духовниковъ народа. Священникъ-духовникъ, особенно въ первое время, былъ единственнымъ, исключительнымъ источникомъ ученія и наказанія; къ нему обращались со всѣми житейскими недоразумѣнiami, со всѣми вопросами, какіе только внушались благочестивою мыслью, какъ устроить свое спасеніе и эту временную погибельную жизнь. Оттого духовный отецъ становится какъ бы членомъ семьи и притомъ самымъ почетнымъ членомъ. Естественно, что весь нравственный строй дома опирался на его поученіе, естественно, что и сочиненіе писанаго нравственнаго устава домашней жизни являлось его прямою обязанностію, исполненіе которой для мірскаго человека, и по ученію церкви и по разумнiю вѣка, было бы даже предосудительно, ибо поучать и наказывать духовно могъ только посвященный. Съ первыхъ самыхъ временъ по принятіи христовой вѣры духовные отцы уже упражнялись въ составленіи небольшихъ учительныхъ *словъ* съ упомянутымъ заглавіемъ, или съ другимъ заглавіемъ: *поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ*. Эти слова и поученія сказывались въ церквахъ, распространялись въ спискахъ, наполняли особые сборники писаній: Златоструи, Златоусты, Измарагды и т. п., служившіе всегда настольными книгами въ каждомъ домѣ, желавшемъ ученія и назиданія. Почти всѣ такіе *слова* были заимствованы у отцовъ церкви, переведены или передѣланы, или же составлены *сборомъ* (избрано отъ всѣхъ книгъ) цѣлыхъ фразъ и рѣченій, пригодныхъ для назидательной цѣли. Въ этомъ отношеніи Домострой представляетъ для насъ новый интересъ: онъ является цвѣтомъ нашей старой книжной образованности, именно ея поучительной стихіи; онъ является, такъ сказать, цвѣтомъ ея общихъ мѣстъ, общихъ фразъ. Въ сущности, весь онъ есть общее мѣсто нравственной и хозяйской жизни.

Мы имѣли случай указать заимствованія Домострой по преимуществу изъ словъ Іоанна Златоуста¹. Но не должно думать, что такіа заимствованія были простыми непосредственными выписками изъ книгъ. Напротивъ, тексты, внесенные въ Домострой, иногда цѣликомъ слово въ слово, были заученными, ходячими

¹ Архивъ Историко-правовыхъ свиданій, Н. Калачова, т. 2, статья: *Изданіе отъ лица Златоуста*.

рѣчами, присловьями въ устахъ духовныхъ учителей. Они усвоивались непрестаннымъ чтеніемъ и употребленіемъ на всякій пригодный случай; они по необходимости точно и вѣрно заучивались, ибо въ томъ заключалась и цѣль книжнаго ученія. Такимъ образомъ, если требовалось составить или сказать какое либо поученіе, то, не только слова, но и цѣлыя рѣчи изъ запаса памяти являлись сами собою, такъ что все дѣло писателя подобныхъ поученій заключалось лишь въ извѣстномъ расположеніи этихъ памятныхъ текстовъ соответственно его мысли и намѣренію. Можно вообще замѣтить, что всѣ старыя наши поученія, наказанія, слова; русскаго *сочиненія*, составлялись этимъ путемъ. Оттого въ каждомъ изъ нихъ легко встрѣтить или другія выраженія изъ поученій отцовъ церкви, не какъ приводимый текстъ, а какъ бы собственную рѣчь составителя, его заученныя словеса, о которыхъ онъ вовсе и не думаетъ, что это словеса чужихъ текстовъ; оттого такъ рѣдко встрѣчаемъ мы въ подобныхъ литературныхъ памятникахъ *свои слова*, ибо къ тому же говорить своими словами значило низводить писаніе съ его священной высоты и самое поученіе и наставленіе людей обращать въ простую пошлую бесѣду о вседневныхъ нуждахъ. Особый складъ и самый звукъ церковнаго слова долженъ былъ дѣйствовать, какъ и теперь дѣйствуетъ на души поучаемыхъ съ тою торжественностью чувства, которая всегда составляла существо религіознаго ученія и которая повтому всегда требовала неизмѣнности и неприкосновенности церковнаго слова. Такимъ образомъ Домострой по естественнымъ причинамъ явился, какъ мы упомянули, двѣтомъ и сокомъ общихъ мѣстъ церковнаго ученія, направленного къ нравственному устройству дома. Это въ литературномъ смыслѣ. Въ практическомъ, жизненномъ смыслѣ, онъ явился точно также двѣтомъ и сокомъ, такимъ же общимъ мѣстомъ русской нравственности, воздѣланной въ теченіи вѣковъ на почвѣ писанія и на почвѣ исконивѣчныхъ бытовыхъ идеаловъ.

Составъ Домостроя — все это поученіе и наказаніе „отецъ духовныхъ ко всѣмъ православнымъ христіаномъ“, выразился главнымъ образомъ въ пяти отдѣлахъ: 1) како вѣровати; 2) какъ царя чтити и вообще свѣтскую власть; 3) какъ чтити святительскій и вообще духовный чинъ или духовную власть; 4) како жити въ миру или наказъ о мирскомъ строеніи и 5) хозяйственный, экономическій наказъ о домовномъ строеніи.

Кто же является центромъ всѣхъ этихъ поученій?

Къ кому собственно обращается Домострой съ своимъ наказательнымъ словомъ, кого онъ почитаетъ твердою опорой для своихъ назиданій, съ кѣмъ онъ собственно ведетъ рѣчь. Кто этотъ *мы*, кто этотъ *самъ*, къ которому Домострой относитъ свои рѣчи во второмъ лицѣ, въ то время, какъ назиданіе остальныхъ онъ выражаетъ преимущественно и почти вездѣ въ третьемъ лицѣ, а если иногда и во второмъ, то собирательно, какъ къ дѣтямъ, къ домочадцамъ. Кто этотъ *сосудъ избранъ*, который долженъ не себя одного нести къ Богу, но многихъ, сознавая этихъ многихъ, какъ собственную влагу. сохраняя эту влагу наученіемъ и наказаніемъ, любовью и грозой, чтобы донести ее до угоднаго Богу назначенія, въ дѣлности наибольшаго нравственнаго совершенства.

Домострой именуется этотъ сосудъ *государемъ* дома, также *настоимымъ*, *большимъ*, прилагая ему, какъ нераздѣльную съ нимъ почву для его нравственной дѣятельности, жену, чадъ и домочадцовъ. Стало быть въ существенномъ смыслѣ Домострой признаетъ самостоятельную, лишь одну личность родителя—съ значеніемъ главы дома, т. е. съ значеніемъ государя или оподаря — хозяйна и нравственно и имущественно большаго или настоящаго въ домѣ или во дворѣ. Мы уже упоминали, что таково именно было понятіе древняго вѣка вообще о достоинствѣ личности. Всѣ другія лица дома служили какъ бы необходимою обстановкой, необходимымъ придаткомъ этой *настоимей* личности.

Младенчествующее общество очень высоко ставило личность родителя какъ основную силу родовой власти, которая служила прямымъ и ближайшимъ органомъ и для власти общественной. Вотъ почему и писаное ученіе возвысило эту власть въ лицѣ родителя до послѣдней крайности. Въ одномъ изъ краткихъ и древнѣйшихъ нашихъ домостроевъ (поученіе избрано отъ всѣхъ книгъ) оно заповѣдуетъ: „родителямъ, аще кто имать, да чтить яко Бога ¹, тѣми бо познахомъ свѣтъ сей; поклонитесь имъ за оутра и вечеръ, на ложа идя. Аще бо человекъ чтить родителя своя, то весь законъ свершилъ есть. И тогда сынъ *свободенъ* есть, егда спрячетъ кости родителя своего“. Та-

¹ Пословицы: шануй батька та Бога — буде тобі всюди дорога. Отець—як Бог. Українські приказки, прислів'я і таке инше. Спорудив М. Новиць

кинъ образомъ самостоятельное значеніе сына возможно было только по смерти родителя.

Непомѣрно возвышая и освящая въ лицѣ родителя домашнюю власть, писаное ученіе вмѣстѣ съ тѣмъ возлагало на главу дома и великую нравственную обязанность строить и охранять нравы дома, великую нравственную отвѣтственность во всемъ, чтобы ни совершилось въ домѣ, не только со стороны собственныхъ чадъ, но со стороны и всѣхъ чадъ дома, всѣхъ работающихъ дому. Глава дома несъ великую отвѣтственность, предъ Богомъ за это нравственное тѣло, называемое домомъ. Глава дома, въ дѣйствительности иначе и не сознавалъ своихъ отношеній къ домашней своей средѣ. Домъ въ своемъ нравственномъ составѣ былъ нераздѣльнымъ цѣлымъ, былъ на самомъ дѣлѣ однимъ нравственнымъ тѣломъ, всѣ члены котораго были исполнены сознанія, что они лишь служебные члены, и что всему начало въ этомъ тѣлѣ глава — домовладыка, государь этого господарства.

Тотъ же древній домострой поучаетъ: „рабы водите въ наказаніи, съ тихостію учаще добрымъ безпорочнымъ, и чтя ихъ, да негдѣ мистять у притчи. Аще ли не послушаютъ, то раны разумѣючи, дати, яко и тѣ Божія созданіе суть, но вамъ даны суть Богомъ на службу.... а что суть у васъ рабы и рабыня, Богомъ даны вамъ на службу, тѣми пакы достойно печися вамъ и душами ихъ, отъ зла возбраняти имъ и на покаяніе приводити; а къ церевнѣ принужати, *вы бо есте мумени домовъ своихъ*; ащели кто безъ покаянія умреть у васъ или не крещенъ, то вамъ отвѣтъ дати за душу ту предъ Богомъ....“¹

Другой, стольже, если не болѣе древній домострой поучаетъ такъ: „Чада моя милая! Еще вы глаголю: челядь свою кормите, якоже до сыти имъ, одѣвайте, обувайте. Аще ли не кормите, ни обуваете, а холопа твоего убьютъ у татбы или робу, те за кровь его тобѣ отвѣщати. Тѣмже набдите *спромы* своя во всемъ, и учите я на крещеніе и на покаяніе и на весь законъ Божій. *Ты бо еси, яко и алостола дому своему*, кажи (казни) грозю и ласкою. Аще не учишь, то отвѣтъ въздаси за то предъ Богомъ. И Авраамъ бо научи своихъ домочадецъ 300 и 18 всему добру закону и добру ворову. Страхъ бо Бо-

¹ Книга глаголемая Златоустъ, недѣля 34, поученіе избранно отъ всѣхъ книгъ.

жій приише, не опечалять на старость тебе. Аще ли тебе не послушаютъ ни мало, то лозы на ны не щади, якоже Премудрость Божія глаголетъ до 4 или 6 ранъ, или за 12 ранъ. Аще ли рабъ и рабыни не слушаютъ, и по твоей воли не ходитъ, то загода (пригодно) лозы нанъ не щади до 6 ранъ и до 12. Аще ли велика вина, то и 20 ранъ. Аще ли велии велика вина, то 30 ранъ лозою, а болѣе 30 ранъ не велимъ. Да аще тако кажете я (наказываете ихъ) и добръ одѣваши и кормиши, то благъ даръ приимеши отъ Бога“¹.

Эти поученія по всѣмъ признакамъ принадлежать къ ранней эпохѣ нашего христіанства, быть можетъ къ XI и, по крайней мѣрѣ, къ XII вѣку, т. е. вообще къ эпохѣ до-татарской. Само собою разумѣется, что начинающаяся церковь виѣсть съ начинающимся обществомъ иначе не могла опредѣлить и устроить отношенія домашней семейной общины, которая и въ народномъ сознаніи и въ сознаніи самой церкви вся сливалась въ лицѣ своего домовладыки. Но причины, почему домовладыка долженъ былъ становиться игуменомъ, апостоломъ дому своему существовали и въ послѣдующіе вѣка; поэтому Домострой XVI вѣка развиваетъ это ученіе, какъ несомнѣнный и непререкаемый догматъ нравственной жизни общества. Онъ отдѣляетъ для этого ученія особый „*наказъ* о мирскомъ строеніи, какъ жити православнымъ христіаномъ въ миру съ женами и съ дѣтьми и съ домочадцы и ихъ наказывати и учити и страхомъ спасти и грозою претити и во всякихъ дѣлахъ беречи, душевныхъ и тѣлесныхъ, чистымъ быти, и *во всемъ самому стражу надъ ними быти* и о нихъ пешися, аки о своихъ удѣхъ“, утверждая жизненное, практическое значеніе и смыслъ этого наказа такимъ разсужденіемъ: „Господу рекшу: будета оба въ плоть едина. Апостолу рекшу: аще страждетъ единъ удъ, то всѣ уды съ нимъ страдаютъ. Такожь и *ты*, не о себѣ единомъ пешися, но о женѣ и о дѣтахъ своихъ и о прочихъ и о послѣднихъ домочадцѣхъ — вси бо есмы связаны единою вѣрою къ Богу; и съ добрымъ симъ прилежаніемъ имѣй любовь ко всѣмъ въ Бозѣ живущимъ и око сердечное взирающе къ Богу и будещи *сосудъ избранъ*, не себѣ единого несый къ Богу, но многи, и услышиши добрый рабе и вѣрный: буди въ радости Господа Бога своего“.

¹ Москвитинъ, 1851, № 6, 128.

На этомъ-то наказѣ построена вся нравственная практическая философія нашего древняго вѣка. Этотъ наказъ составляетъ такъ сказать душу, основу и всѣхъ поученій Домостроя; онъ присутствуетъ въ немъ повсюду, почти во всякой строикѣ, гдѣ только дѣло касается поученія и назиданія.

Написавъ *малмы* о томъ, „какъ избную порядию устроить хорошо и чисто“, Домострой назидаетъ государыню-хозяйку: „Всего того и всякой порядни жена (чтобъ) смотрела и училиабъ слугъ и дѣтей добромъ и лихомъ: не иметъ слово, — ино ударить. И увидитъ мужъ, что не порядливо у жены и у слугъ.... инобы ушѣлъ свою жену наказывати всякимъ разсуженіемъ, и учити. Аще внимаеть — любити и жаловати. Аще жена по тому наученію и наказанію не живетъ.... и слугъ не учитъ, ино достоятъ мужу жена своя наказывати и ползовати страхомъ на единѣ; и понаказавъ и пожаловати и примолвити.... И слуги и дѣти такоже, посмотри по винѣ и по дѣлу, наказывати и раны возлагати; дѣ, наказавъ, пожаловати.... А только жены или сына или дщери, слово или наказаніе неиметъ, не слушаеть и не внимаеть и не боитца, и не творить того, какъ мужъ или отецъ или мати учить, — ино плетью постегать, по винѣ смотря. А побить не передъ людьми, на единѣ: поучити да примолвити и пожаловати; а никакоже не гнѣватися, ни жегъ на мужа, ни мужу на жену. А про всяку вину по уху, ни по видѣнью не бити, ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колотъ; ни какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не битъ: кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, — многи притчи отъ того бывають: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнуть, и персть; и главоболіе и зубная болезнь; а у беременныхъ женъ и дѣтемъ повреженіе бываеть во утробѣ. А плетью съ наказаніемъ бережно бити: и разумно и больно и страшно и здорово. А только велика вина и кручиновато дѣло и за великое и за страшное ослушаніе и небреженіе, — ино сойма рубашка плеткою вежливенько побить, за руки держа; по винѣ смотря, да, поучивъ, примолвити; а гнѣвъ бы не былъ; а люди бы того не вѣдали и не слыхали, жалоба бы о томъ небыла.... а не каеться и не плачется о грѣхѣ своемъ и о винѣ, то уже наказаніе жестоко надобеть, что бы былъ виноватый въ винѣ, а правый — въ правдѣ; а всякому грѣху покаяніе... а поклонны голы и мечь не сѣчетъ, а покорно слово кости не ломить“¹.

¹ Такъ, правильное, читается эта пословица въ нашемъ спискѣ Домо-

Домострой закрѣпляетъ свой наказъ слѣдующимъ обращеніемъ къ мужу или главѣ дома: „аще мужъ *самъ* того не творитъ, что въ сей памяти писано, и жены не учить, ни слугъ своихъ, и домъ свой не по Божѣ строить, и о своей душѣ не радить, и людей своихъ по сему писанію ни учить, и онъ самъ погубленъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ и домъ свой погубитъ и прочихъ съ собою. Аще ли добрый мужъ о своемъ спасеніе радить, и жену и чадъ своихъ наказуетъ, такоже и домохадцевъ своихъ всякому страху Божию учить и законному христіанскому жителству, якоже есть писано, — и онъ *вкупѣ* со всѣми въ благоденствѣ по Божѣ жизнь свою препроводитъ и милость Божию получить“.

Въ другомъ мѣстѣ, въ „наказѣ мужу и женѣ и людямъ и дѣтемъ какъ лѣпо быти имъ“, — Домострой укрѣпляетъ свое ученіе такою же грозой о великой отвѣтственности владыки дома предъ Владыкою міра и тѣмъ же милваніемъ за доброе выполненіе его устава. „Аще ли небреженіемъ и нерадѣніемъ *сами*, или жена мужнимъ ненаказаніемъ, согрѣшитъ или что зло сотворитъ, и вси домохадцы, мужи и жены и дѣти, господаревымъ (твоимъ) ненаказаніемъ, каковъ грѣхъ или что зло сотворятъ, или брань, или татьбу, или блудъ: всѣ *вкупѣ* по дѣламъ своимъ примутъ, зло сотворшии муку вѣчную, а добросотворшии, (иже сущіе съ тобою *вкупѣ* — и которые съ тобою *вкупѣ*) богоугодно поживше, жизнь вѣчную наследятъ въ царствіи небесномъ. А себѣ *большій гнѣвъ* примешь, понеже не о себѣ единомъ попеченіе имѣя къ Богу, но и сущихъ съ собою введе въ жизнь вѣчную“.

Таково было великое и высокое значенія господаря дома, такова была великая и страшная его нравственная отвѣтственность предъ Богомъ, и именно за свой домъ. Онъ одинъ за всѣхъ долженъ былъ „отвѣтъ дати въ день страшнаго суда“, какъ говоритъ Домострой въ другомъ мѣстѣ. Эта священная обязанность и великая отвѣтственность сами собою уже давали владыкѣ дома самыя полныя, безпрекословныя, самыя широкія права поступать въ домѣ единственно только по собственной волѣ, ставить началомъ всего домашняго нравственнаго и хозяйственнаго строя только свою волю. Практическая жизнь глав-

стра (XVIII в.). Въ изданіи Голохвастова: „покорно слово кость ломить“, стр. 68.

нынѣ образомъ это только хорошо и понимала въ ученіи Домострой, по той особенно причинѣ, что Домострой ничего опредѣлительнаго не говоритъ о томъ, какова должна быть сама эта господарская воля. Онъ учитъ ее только не гвѣваться, исполнять свои наказанія сознательно, разумно, съ самообладаніемъ, безъ сердцовъ, и смягчать ихъ тотчасъ любовною привѣтливостію, пожалованіемъ: наказать да и пожаловати, поучить да приимолвити. Но этимъ самымъ онъ вопіиѣ и обрисовываетъ существо и свойство господарской воли. Онъ иначе ее не понимаетъ, какъ волю родителя, а родительская воля по его же убѣжденію, сама себѣ образецъ и сама себѣ наука. Въ ея отношеніяхъ къ подвластной средѣ ни какихъ опредѣленій быть не можетъ. Опредѣленія воли должны распространяться только въ этой подвластной родителю средѣ. Вотъ почему Домострой особенно и настаиваетъ, чтобы господарь жены, чадъ и домочадцевъ какъ возможно заботливѣе опредѣлялъ ихъ волю.

„Казни сына своего отъ юности его, и покоить ты на старость твою, и дасть красоту души твоей. И не ослабляй бѣи младенца: аще бо жезломъ (лозою) бѣиши его, не умреть, но здравѣе будетъ; ты бо, бѣи его по тѣлу, а душу его избавляеши отъ смерти. Дщерь ли инаши, положи на нихъ грозу свою, соблюдеши я отъ тѣлесныхъ, т. е. грѣховъ.... Люба же сына своего, учащай ему раны, да послѣди о немъ возвеселишися.... И не дажь ему власти (воли) во юности, но сокруши ему ребра, донележе растеть, а ожесточивъ, не повинеть ти ся; и будетъ ти досажденіе, и болѣзнь души, и тщета домови, погибель имѣнію и укоризна отъ сусѣдъ, и посмѣхъ предъ враги, предъ властели платѣжь и досада зла“.

Очень понятно, что отъ дѣтей, Домострой, по заповѣди Господней, требуетъ повинновенія и послушанія родителямъ во всемъ. „Со страхомъ раболѣпно служите имъ, заключаетъ онъ свое наказаніе, да и сами отъ Бога мзду примете и жизнь вѣчную наследите, яко совершителі его заповѣди“. Но этотъ наказъ дѣтямъ, какъ и самый приведенный выше наказъ отцу „како дѣти учити и страхомъ спасати“, въ духѣ своемъ, какъ и на самомъ дѣлѣ, распространялся и ко всѣмъ живущимъ подъ властью домоладыки. Предъ его лицемъ всѣ были дѣтьми, не исключая и ихъ матери или его жены. Домочадцы же, т. е. слуги со всѣми своими семьями стояли ниже степеню и дѣтей господаря, ибо почитались чадами дома, чадами всего господарскаго семейства.

Такимъ образомъ поученіе: „нази сына своего“, какъ и поученіе о повиновеніи дѣтей, практически относилось ко всякому безъ исключенія члену господарскаго дома. Оно служило единственнымъ основаніемъ домашняго господарскаго быта. Такое же дѣтское послушаніе Домострой налагаетъ и на жену: „жены мужей своихъ вопрошаютъ о всякомъ благочиніи: како душа спасти, *Богу и мужу угоудити* и домъ свой добре строить; и *во всемъ ему покоритися* и что мужъ накажетъ, то съ любовію приимати (и со страхомъ внимати) и творити по его наказанію.... а повся бы дни у мужа жена спрашивалась и совѣтовала о всякомъ обиходѣ, и вспоминала, что надобеть. А въ гости ходити и къ себѣ звати: ссылатся съ кѣмъ велитъ мужъ...“ Домострой опредѣляетъ для жены даже и то, какъ и о чемъ съ гостями бесѣдовать. „И то въ себѣ внимати: у которой гостии услышитъ добрую пословицу: какъ *добрыя* жены живутъ и какъ порядню ведутъ, и какъ домъ строить, и какъ дѣти и служаки учать; и *какъ мужей своихъ слушаютъ* и какъ съ ними спрашиваются и *какъ повинуются имъ во всемъ*...“ Равновсїя отношеній между мужемъ и женою Домострой и не предчувствуетъ. Доля жены въ нравственномъ смыслѣ есть доля дѣтская. Она съ одной стороны первый изъ домочадцевъ, какъ первый и ближайшій слуга мужа, на обязанности котораго лежитъ весь домашній обиходъ. Съ другой стороны — она старшій изъ дѣтей, правая рука мужа.

Конечно, на самомъ дѣлѣ, положеніе жены могло быть и въ дѣйствительности бывало лучше чѣмъ то, какое рисуется ученіемъ Домостроя. Но лучшимъ это положеніе бывало уже по требованіямъ самой жизни, но ни какъ не по ученію Домостроя, которое, напротивъ, своими освященными, авторитетными рѣчами отдавало жену въ полную опеку мужа, слѣд. ставило ее не только въ дѣтскія, но и въ рабскія отношенія къ нему, и все это утверждало исконивѣчнымъ уставомъ добраго и богоугоднаго житія.

Мужъ, господарь дома, оставался такимъ образомъ единственнымъ лицомъ, самостоятельность котораго была несомнѣнна и ничѣмъ непрекаема. Въ этой одной только формѣ личность признавалась самостоятельной и обществомъ. На этомъ одномъ лицѣ утверждался и союзъ общегитія. Это одно лицо было, такъ сказать, цѣлымъ, полнымъ лицомъ. Все остальное имѣло значеніе не полноты, не оконченности, вообще значеніе дѣтства.

Таковыми-то учениями создавался и укреплялся въ народномъ сознаниі идеалъ родовой или родительской власти, что въ сущности одно и то же. Значеніе этого идеала въ древне-русской жизни, его вліяніе на народный умъ, на всѣ представленія народа о житейскихъ отношеніяхъ, были такъ сильны и велики, что самая оцѣнка даже историческихъ событій и подвиговъ разсматривалась по преимуществу съ точки зрѣнія того же идеала. Такъ, всякое проявленіе личной или общественной самостоятельности, всякое малѣйшее движеніе личной или общественной независимости тотчасъ же возбуждало нравственное осужденіе, какъ порокъ гордости, самонадѣянности, высокоумія. Конечно, это осужденіе всегда имѣло въ виду христіанскій идеалъ смиренія, во имя котораго оно и распространяло свои поученія о гордости; но самый идеалъ смиренія могъ получить особенный смыслъ, самый работливый, только подъ сильнымъ вліяніемъ библейскаго идеала родовой власти, которая, какъ мы видѣли, смиреніе, покореніе возносила на высоту главнѣйшихъ добродѣтелей жизни, и именно для младшей ея среды, для младшей и въ домашнемъ и въ общественномъ значеніи.

„А гордымъ Господь Богъ противится, а смиреннымъ дастъ благодать....“ — „Богъ бо не любитъ высокія мысли нашихъ, возносящихся смиряеть....“ Вотъ ученіе, которое проходитъ очень сильною чертою по всей нашей исторіи и особенно въ нашемъ бытовомъ развитіи. Литература, не только книжная, но и устная, непосредственная, чертитъ множество образовъ съ цѣлію утвердить эту истину, сдѣлать ее вполне осязательною и очевидною. Лѣтописцы пользуются каждымъ подходящимъ событіемъ или подходящимъ случаемъ, чтобы напомнить людямъ крайнюю очевидность этой истины. Пришелъ князь Ярославъ Святополчичь на Андрея къ городу Владимиру (южному): „разгордѣвшю, надѣяся на множество вой, и молвяше такъ Андрееви и горожаномъ: то есть градъ мой; оже ся не отворите не выйдете съ поклономъ, то узрите, завтра приступлю къ граду и вѣзму городъ“. Но на разѣздѣ подъ городомъ его убиваютъ измѣнически свои же два ляха. И такъ „умре. Ярославъ, одинъ въ толпкой силѣ войска, за великую гордость его, понеже не имѣше на Бога надежи, но надѣяся на множество вой. Виждь что преодолѣ гордость.... прочее, дружино и братье, разушѣйте по которомъ есть Богъ, по гордомъ-ли или по смиренномъ“. Новгородды, напр., съ самаго ранняго времени, прославляются

гордыми за то, что вѣрно держатъ свою самостоятельность и независимость противъ княжескихъ притязаній. Случилось въ 1169 году, что войска Андрея Суздальскаго опустошили новгородскую область, хотя потомъ съ великимъ урономъ сами были отбиты отъ Новгорода. Лѣтописецъ пользуется случаемъ и разсуждаетъ: такъ сихъ людей новгородскихъ наказалъ Богъ и смирилъ ихъ до вѣла... за гордость ихъ навелъ на нихъ....“

Вообще именемъ гордости обозначалось всякое независимое или самостоятельное дѣяніе, гдѣ бы оно ни обнаружилось. Въ этомъ смыслѣ и московскій князь Симеонъ былъ прозванъ *гордымъ*.

Приводить новые тексты, въ которыхъ съ большею или меньшею силою развивается этотъ идеалъ смиренія, значитъ, касаться одного изъ самыхъ любимѣйшихъ мотивовъ нашей древней литературы, который проходитъ, какъ бы основною ея нитью черезъ всѣ вѣка и не только въ книжныхъ, замкствованныхъ, но и въ народныхъ, самобытныхъ произведеніяхъ. Изъ послѣднихъ, наилучшимъ и наиболее пластическимъ выразителемъ этого идеала служить известная „повѣсть о Горѣ Злосчастіи“, въ которой живыми красками изображается *слушаніе родительское*, вообще непослушаніе, непокореніе и не поклоненіе родителямъ, а, въ сущности, безнравственное, по тогдашнимъ понятіямъ, и самонадѣянное стремленіе личности *жить, какъ себѣ любо*. Это-то стремленіе къ самостоятельности и независимости приравнивается, и съ полнымъ основаніемъ съ точки зрѣнія родового идеала, къ дѣтской глупости. Повѣсть описываетъ жизнь молодца, оторвавшагося отъ роднаго корня, въ сущности, живнъ личности *гулящей*, и въ томъ смыслѣ, что она сбилась съ настоящей дороги, повела себя развратно; и въ томъ смыслѣ, что она хотѣла жить свободно, самостоятельно, независимо отъ родительской опеки, ибо, по понятіямъ вѣка, жить безъ опеки значило тоже, что жить гулящимъ путемъ, развратно.

Молодецъ, захотѣвшій жить, какъ ему любо, былъ въ то время „малъ и глупъ; не въ полномъ разумѣ и не совершенъ разумомъ“. Только глупый и могъ рѣшиться скинуть съ себя родительскую опеку, хотябы и сознавалъ въ себѣ силу и возможность жить своимъ разумомъ. Глупо это было потому, что уму вѣка не представлялось и самой мысли о томъ, что личность можетъ существовать безъ опеки. Безъ опеки, она непремѣнно должна

погибнуть. Эта идея и составляет главный мотивъ разсматриваемой „повѣсти“. Въ доказательство своей правды, она, эта идея, вначалѣ рисуесть самостоятельную жизнь добраго молодца завидными красками: онъ наживаетъ деньги, друзей; честь его, какъ рѣка течеть. „Другове къ молодцу прибивались, родъ племени причитались...“ Все у него есть, но нѣтъ у него главнаго, нѣтъ воли, а нѣтъ родительской воли — опеки онъ ушелъ, стало быть, потерялъ точку опоры и за это самое и долженъ быть наказанъ мою долею. Въ этомъ и заключается вся его вина — ослушаніе родительское. Повѣсть ничего другаго и не думаетъ изобразить, какъ одно назиданіе, что вышедшій нѣтъ родительской воли молодецъ всегда падаетъ. Его другъ, названный братъ, заводитъ его въ избу кабацкую. Не хочется молодцу друга ослушаться; принимается онъ за питья за пьяныя и просыпается обобранный до нитки. Въ лохмотьяхъ, стало срамно молодцу появиться къ своему отцу и матери, и къ своему роду и племени, и къ своимъ прежнимъ милымъ друзьямъ. Пошелъ онъ на чужую сторону; попадаетъ на пиръ къ добрымъ людямъ, рассказываетъ свое *ослушаніе родительское*: „ослушался я отца своего и матери, благословеніе нѣтъ отъ нихъ миновалось; Господь Богъ на меня разгнѣвался... *Отечество мое потерялось*, храбрость володецкая отъ меня миновалась!“ Онъ, такимъ образомъ, теряетъ свое достоинство; въ собственныхъ глазахъ, онъ становится ничтожнымъ. Онъ проситъ добрыхъ людей научить, какъ жить на чужой сторонѣ, въ чужихъ людяхъ. Добрые люди, т. е. само общество, эта чужая сторона, поучаютъ его такъ: не буди ты спѣсивъ на чужой сторонѣ: покорися ты другу и недругу, поклонися ты стару и молоду, будь скромнень, вельстивъ и не лукавъ, смиреніе ко всѣмъ нѣтъ, съ кротостію держися истины съ правдою.... то тебѣ будетъ честь и хвала великая.... Таковы требованія жизни въ обществѣ, которое иначе не представлялось исполненному родовой идеи уму, какъ *чужою* стороною.

На чужой сторонѣ сталъ жить молодецъ, умѣючи; отъ великаго разума наживалъ онъ живота (богатства) больше стараго. Словомъ сказать, самостоятельность его стала несомнѣнною. Онъ задумалъ жениться, срядилъ честный пиръ *отечествомъ* и *славою* и на пиру похвастался, что сталъ совѣшивъ независимъ, — наживалъ де я живота больше стараго. А всегда гнило слово похвальное, похвала живетъ человѣку пагуба! За эту

похвалу, а, въ сущности, за сознание своей независимости и свободы, которое, по естественнымъ причинамъ, личность не могла не высказать, за это ей готовится пагуба, готовится кара въ образъ Гора-Злосчастія. Подслушало Горе-Злосчастіе хвастанье молодецкое, само говоритъ таково слово: не хвались ты, молодецъ, своимъ счастіемъ, не хвастай своимъ богатствомъ; бывали люди у меня, Гора, и мудрае тебя и досужае, и я ихъ, Горе, переумудрило: учинися имъ злосчастіе великое; до смерти со мною боролися; во зломъ злосчастіи позорилися....

Вотъ судьба, ожидавшая всякую личность, которая высвобождалась изъ родовой опеки, которая отрывалась отъ родоваго корня, которая теряла свое отечество. Это судьба ребенка — сироты, брошеннаго на произволъ случайностей. Такъ личность и понималась нашимъ древнимъ вѣкомъ, когда она устремлялась жить, какъ себѣ любо. Индивидуальной жизни, индивидуальных стремлений вовсе не существовало въ его сознаниі. Жизнь родами, а не личностью, жизнь въ круговой зависимости и въ круговой опекѣ — это жизнь правильная и счастливая. Жизнь, отдѣлившаяся отъ своего цѣлага, естественно, жизнь неправильная, не обстоятельная; жизнь горя-злосчастія, котораго „гнѣздо и вотчина въ бражникахъ“. Въ дѣйствительности такъ, большею частію, и бывало. Оторвавшаяся отъ роднаго союза личность разумѣется, очень рѣдко могла выдержать борьбу съ случайностями самостоятельнаго житья-бытья, ибо выходила она на эту борьбу, въ самомъ дѣлѣ, глупымъ, малымъ ребенкомъ, т. е. съ ребяческимъ воспитаніемъ своей воли. Поэтому, Горе-Злосчастіе и становится олицетвореніемъ личной свободы человека, живущаго на своихъ ногахъ, безъ всякой опеки. Образъ Гора-Злосчастія есть образъ свободной личности, начертанный нравственнымъ ученіемъ вѣка, въ назиданіе молодому поколѣнію. Отъ этой кары никуда нельзя было уйти. Горе-Злосчастіе неизмѣнно приводило молодца къ бражничеству, соблазнило его безотвѣтственною жизнью нагихъ-босыхъ и преслѣдовало его всюду.

Прожившійся молодецъ идетъ въ чужу дальну сторону, встрѣчаетъ на пути рѣку, а за перевозъ заплатитъ нечего. Съ тоски и съ голоду онъ хочетъ лучше въ рѣкѣ утопиться.

Полощи мое тѣло, быстра рѣка! Ино ѣйте, рыбы, мое тѣло бѣлое! Ино лутчи мнѣ житія сего позорнаго! Уйду ли я у гора

злосчастнаго! Но воскликнуло Горе: стой ты, молодецъ, меня, Гора, не уйдешь никуда! А въ горѣ жить — некручинну быть! а кручинну въ горѣ погинути! Спасятуй, молодецъ, житіе свое первое; и какъ тебѣ отецъ говорилъ, и какъ тебѣ мати наказывала; оченъ тогда ты ихъ не послушалъ? Не захотѣлъ ты имъ покориться, постыдился имъ поклониться, а хотѣлъ ты жить, какъ тебѣ любо... а кто родителей своихъ (на добро) ученія не слушаетъ, того выучу я, Горе злосчастное. Покорился молодецъ Горю нечистому, поклонился Горю до сыры земли.

Покорность и здѣсь награждается тѣмъ, что молодецъ перевозитъ даромъ черезъ рѣку. Добрые люди напоили, накормили его, сняли съ него одежду кабацкую и дали ему платье крестьянское, да и присовѣтовали ему идти на свою сторону, къ своимъ родителямъ, проститься (помириться) съ ними, взять отъ нихъ благословіе родительское. Пошелъ молодецъ въ свою сторону; но горе напередъ зашло, вездѣ его встрѣчаетъ. Ты стой, не ушелъ добрый молодецъ! не на часъ я къ тебѣ горе злосчастное привязалось... Полетѣлъ молодецъ соколомъ, полетѣлъ сизымъ голубемъ, побѣжалъ молодецъ въ поле сѣрымъ волкомъ, сталъ въ полѣ ковыль-трава, пошелъ въ море рыбю; — вездѣ горе готовило ему напасть напрасной смерти. Наконецъ оно научаетъ молодца богато жить — убити и ограбить, т. е. сдѣлаться разбойникомъ. Но молодецъ вспоминаетъ *спасенный* путь и уходитъ въ монастырь, постригается. Горе остается у святыхъ воротъ, къ молодцу впередъ не привяжетца⁴.

Въ этомъ подвигѣ молодца вполнѣ и высказалась даже историческая правда, что единственнымъ исключительнымъ прибѣжищемъ для индивидуальной жизни былъ монастырь, къ которому, по этой причинѣ, всегда и стремилась, искавшая себѣ спасенія, наша допетровская личность.

Хотя мы и видимъ, что эта назидательная повѣсть олицетворяетъ свою кару Гора-Злосчастія, какъ бы исключительно за ослушаніе родительское; однако, необходимо помнить, что отношеніе родовой опеки къ свободѣ личности никогда иначе и не могло выразить своихъ положеній, какъ въ этой частной формѣ, которая, въ сущности, была общею формою всяческой опеки. Объ этомъ свидѣтельствуетъ даже и сама повѣсть; избразивши въ началѣ происхожденіе и общую характеристику человѣческаго рода, она обозначаетъ это свое введеніе къ повѣсти общею чертою: таково рожденіе человѣческое „отъ отца

и отъ матери“, т. е. таково происхожденіе и свойство человѣческой природы.

„Ино зло племя человѣческо: вначалѣ пошло непокорливо; ко отцову ученію зазорчиво; къ своей матери непокорливо, и къ совѣтному другу обманчиво. А се роди пошли слабы, добрубожливы¹; а на безуміе обратилися и учили жить въ суетѣ.... А *прямое смиреніе отрикнули*. И за то на нихъ Господь Богъ разгнѣвался; положилъ ихъ въ напасти великія.... все *смирляючи* насъ, наказуи и приводя насъ на спасенный путь“.

Такимъ образомъ, главнымъ мотивомъ повѣсти остается все тотъ же, общій во всей поучительной литературѣ, мотивъ смиренія, покоренія, послушанія, съ отрицаніемъ всякой непокорливости и гордости, именемъ которой, какъ мы замѣтили, обозначалось и все самостоятельное въ дѣйствіяхъ человѣческой личности. Въ этомъ отношеніи повѣсть о Горѣ Злосчастіи есть только поэтическое воспроизведеніе основныхъ ученій Домостроя.

Къ какимъ же практическимъ результатамъ приводили всѣ эти поученія и наказанія, какъ эта теорія являлась въ практикѣ, какую личность, съ какимъ характеромъ воспитывалъ и выпускалъ на общественную дѣятельность этотъ домашній, семейный строй жизни? Иначе сказать: какую личную *волю* приготавлиалъ для общества нашъ древній Домострой?

Мы видимъ, что съ одной стороны, въ лицѣ старшаго, онъ воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ самый безграничный произволъ, стало быть, полную необузданность воли. Съ другой стороны, въ лицѣ каждаго младшаго, онъ воспитывалъ, утверждалъ и освящалъ безирекословное покореніе и послушаніе, безграничное припниженіе личности, полное дѣтство и раболѣпство воли. Между этими двумя крайностями, мы не видимъ ни какой средины.

Родительская опека, какъ единая нравственная сила, державшая весь строй нашего древняго общества, и помимо писаннаго ученія, по естественной причинѣ, должна была водворить въ умахъ непреложное убѣжденіе, что *воля старшаго есть законъ для младшихъ*. Это была сама сущность родительской власти,

¹ Добре-убожины — убога.

вытекающая изъ естественныхъ, непосредственныхъ отношеній отца къ своимъ дѣтямъ. Разумное начало, утверждавшее такія отношенія, основывалось на томъ фактѣ, что физически малолѣтній, въ дѣйствительности, не способенъ еще руководиться своею незрѣлою и потому глупою, неразумною волею. Ребенокъ иначе и не могъ обнаруживать свою волю, какъ только по дѣтски, неразумно; поэтому разумъ и воля старшаго, по необходимости, являлись здѣсь руководителями и опекунами малолѣтней воли. На этомъ утверждалось *семейное начало* жизни. Но тотъ же законъ распространялся дальше, шире, когда семья развивалась въ цѣлый *родъ*; а такъ какъ родъ представлялъ, въ сущности, только размножившуюся семью, то и начало его жизни и дѣйствій оставалось тоже. Какъ умножившаяся семья, *родъ* распространяетъ семейное начало жизни, родительскую опеку, на множество лицъ, которыя, съ его точки зрѣнія, въ нисходящей степени всѣ, въ дѣйствительности, оказываются малолѣтними, а потому и неразумными предъ восходящею степенью, непремѣнно требующими руководства и опеки. Въ родовомъ разпорядкѣ лицъ физическое старшинство, какъ мы сказали, пріобрѣтаетъ уже смыслъ старшинства нравственнаго. Это-то нравственное старшинство, при дальнѣйшемъ развитіи родовыхъ понятій, становится господствующею силою племенной, а вслѣдъ за нею и общественной жизни, въ которой, по закону такого развитія, трудно было народиться представленію о томъ, что личность носить въ себѣ не родовой, подчиненный, а независимый, особый, единичный индивидуальный смыслъ. По родовымъ понятіямъ, совершеннолѣтіе личности наставало не вслѣдствіе ея физическаго и нравственнаго развитія, а только вслѣдствіе ея родоваго, а, по его идеалу, и всякаго другаго старшинства; или, говоря вообще, вслѣдствіе старшаго, властнаго положенія въ обществѣ, потому что бытовая власть, какъ мы говорили, была собственно властью отеческою, носила въ себѣ лишь одно существо, существо родительской опеки. Родичъ всегда оставался малолѣтнимъ къ восходящей линіи своего рода. Онъ физически выросталъ, но нравственно старики все еще почитали его малолѣткомъ и не выпускали изъ своей воли; и такое малолѣтство могло, въ извѣстныхъ родовыхъ обстоятельствахъ, продолжаться до его собственной глубокой старости. Это понятно; но менѣе понятно то, что тотъ же самый взглядъ на существо человеческой личности неизмѣнно господствовалъ и въ общественномъ сознаніи,

въ порядкѣ и складѣ общественныхъ отношеній, во внутреннемъ, нравственномъ складѣ всего нашего древняго житья-бытья. Практическій, жизненный смыслъ отеческой воли заключался, какъ мы видѣли, въ личномъ родительскомъ произволѣ, въ той, еще до сихъ поръ не умершей, и чуть не врожденной, нравственной аксіомѣ, что „мое дѣтище: хочу съ нашей ѣмь, хочу масло пахтаю“, какъ мыслить еще современный намъ родитель, и какъ мыслить XII вѣкъ въ лицѣ старшаго города, какъ мыслить потомъ дѣдъ Грознаго, в. в. Иванъ Васильевичъ, сказавшій Псковичамъ: „чи не воленъ язъ въ своемъ внутрѣ и въ своихъ дѣтехъ? Ино кому хочу, тому дамъ княженство....“

Очевидно, что такая воля и для малолѣтнихъ, и особенно для малолѣтнихъ въ общественномъ смыслѣ, не могла имѣть ни какого другаго смысла, какъ смыслъ произвола, смыслъ простой грубой силы или насилія, смыслъ обыкновенной физической силы, въ какой, подъ видомъ *ученія*—битья, по преимуществу, и проявлялась эта воля старшаго или родительская воля. Но этотъ произволъ, въ глазахъ массы, освящался не только авторитетомъ своего происхожденія, т. е. происхожденія изъ непререкаемой власти родительской, но и ученіемъ церкви, которая утверждала и распространяла его, какъ единственную силу общественного союза. Въ убѣжденіяхъ массы этотъ произволъ, эта воля старшаго, построившая по своему идеалу и всю бытовую власть, являлась какою-то первозданною физической стихіею, въ родѣ огня, воды, предъ которою, по необходимости, должна была приниматься всякая самостоятельность, а тѣмъ болѣе самостоятельность индивидуальной личности.

Малолѣтній, т. е. ребенокъ, отрокъ физически, равно какъ и ребенокъ, *отрокъ* общественно, чувствовалъ на каждомъ шагу силу этой воли—стихиі, и по необходимости ею одною воспитывался, воспитывалъ свои понятія и свои стремленія. Другихъ началъ, другихъ источниковъ для развитія и образованія собственной воли онъ не имѣлъ. Его со всѣхъ сторонъ охватывала среда произвольныхъ поступковъ, произвольныхъ дѣйствій, которые представляли практическое только выполненіе дѣлаго нравственнаго ученія объ авторитетной волѣ старшихъ. Въ этомъ ученіи онъ выяснилъ себѣ понятіе не о нравственной свободѣ человека вообще, на чемъ и должна бы создаваться воля; напротивъ онъ выяснилъ себѣ твердое убѣжденіе о подчиненіи такой свободы произволу старшихъ, какъ исключительныхъ, отъ рода и отъ

вѣка поставленныхъ, блюстителей нравственнаго закона. Онъ выяснялъ себѣ твердое убѣжденіе, что никто не долженъ имѣть воли (свободы) въ качествѣ человѣческой личности, а всякій долженъ обладать ею только въ качествѣ старшаго, въ качествѣ отца своимъ дѣтямъ, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, т. е. въ смыслѣ всякаго властнаго положенія въ обществѣ. Воспитанный въ родительскомъ произволѣ, въ произволѣ старшихъ вообще, крѣпко убѣжденный, что этотъ произволъ, иначе родительская и родовая опека, есть священная воля самой нравственности, непоколебимая основа нравственной жизни; что этою только одною волею держится не только связь семьи, рода, но и связь всего общества, всей земли; — старый нашъ предокъ, вступая въ жизнь уже возрастнымъ, болѣе или менѣе сознательнымъ ея дѣтелемъ, ничего не могъ принести въ нее другаго, какъ тѣ же самыя понятія и убѣжденія, какъ тотъ же основной смыслъ воли вообще и своей въ особенности, тотъ же произволъ, который представлялъ для него единственную и исключительную норму дѣйствій и дѣяній.

Дѣйствуя по такому умоначертанію, по такому развитію и складу своего нрава, онъ не могъ въ собственномъ сознаніи отдѣлать законнаго отъ незаконнаго въ этомъ отношеніи, потому что здѣсь для него ясенъ былъ одинъ только законъ — воля или произволъ старшаго, стало быть, *своя воля*, когда онъ самъ дѣлался старшимъ, властнымъ, т. е. свободнымъ и самостоятельнымъ по его понятіямъ и представленіямъ. Истинныхъ понятій о нравственной свободѣ лица не могло существовать въ обществѣ, гдѣ родовой духъ съ такою силою пригнеталъ, давилъ личность, т. е. всякую человѣческую индивидуальность. Поэтому идея свободы понималась также матеріально, какъ и идея воли, и свобода значила собственно освобожденіе отъ чужой воли, а слѣдовательно приобрѣтеніе своей воли; или въ сущности приобрѣтеніе нравственной или матеріальной силы распоряжаться въ данныхъ обстоятельствахъ полнымъ хозяиномъ. Идея самостоятельности, нравственной независимости была нераздѣльна съ идеей самовластиа, а еще ближе, съ идеей самоволія и своеволія. Вотъ почему мы, люди другаго времени и другихъ понятій о законахъ нравственности, не имѣемъ права слишкомъ строго судить объ этомъ неизмѣримомъ и безграничномъ *своеволіи* и *самовластии*, которое такъ широко господствовало въ нашемъ допетровскомъ и петровскомъ обществѣ, и особенно мало имѣ-

емъ права осуждать за это отдѣльныя, а тѣмъ болѣе историческія личности, которыя всегда служатъ только болѣе или менѣе сильными выразителями идей и положеній жизни своего общества.

Своеволие и самовластіе въ ту эпоху было нравственною свободою человѣка; въ этомъ крѣпко и глубоко былъ убѣжденъ весь міръ-народъ; оно являлось общимъ, основнымъ складомъ жизни. Это была общая норма отношеній между старшими и младшими, между властными и безвластными, между сильными и безсильными, между независимыми и зависимыми, и въ физическомъ, и въ нравственномъ, и въ служебномъ, и въ общественномъ, и въ политическомъ отношеніяхъ. Это былъ нравственный законъ жизни, выросшій ея же, самую жизнь, изъ почвы родового, патриархальнаго быта и отеческихъ поученій; законъ, которому противорѣчія, отрицанія являлись только въ средѣ государственныхъ, вообще гражданскихъ, социальныхъ, стремленій, постоянно, хотя и не всегда успѣшно, съ нимъ борющихся. Нужно было очень много времени для того, чтобъ этотъ законъ, въ борьбѣ съ государственными, т. е. социальными элементами, износилъ свои жизненные начала, сдѣлался дряхлымъ и ветхимъ, какимъ онъ представляется нашему сознанию только теперь, въ началѣ втораго тысячелѣтія нашей исторической жизни, все еще, время отъ времени, давая намъ иногда сильно чувствовать, что не совсѣмъ угастро его престарѣлое существованіе.

Само собою разумѣется, что историкъ, въ своихъ разысканіяхъ и размышленіяхъ о характерѣ многихъ событій нашей исторіи и особенно о характерѣ, дѣйствовавшихъ въ этихъ событіяхъ лицъ, не могъ не замѣтить, не могъ не почувствовать особенной, какъ бы основной черты, проходящей по всей нашей исторіи и неизмѣнно появляющейся въ каждомъ, сколько нибудь сильномъ и наиболѣе выразительномъ ея дѣйствіи, особенно за послѣдніе два вѣка передъ реформою. Трудно было хорошо выиснить себѣ эту основную черту, найти ея истинный, жизненный смыслъ. Тому очень мѣшали наши взгляды, исполненные западныхъ идей, западныхъ представленій объ историческихъ дѣлахъ, развивавшихъ тамошнія народности. Западными идеями

мы по преимуществу измѣряли и собственное, историческое развитіе; дѣлали ему оцѣнку съ точки зрѣнія западныхъ представлений о свободѣ и рабствѣ, о правѣ и государствѣ, о социальной общинѣ, объ обществѣ и общественности, а главнымъ образомъ, о свободной и независимой личности. Отсюда: развившееся въ Москвѣ самодержавіе мы объясняли и до сихъ еще поръ объясняемъ татарскою идеею, которая будтобы въ немъ воплотилась и, какъ самое Батыево иго, безошадно громила всѣ свободныя, самостоятельныя учрежденія совершенно свободной, будтобы „удѣльно-вѣчевой“ нашей старины. Западный чело-вѣкъ, исполненный идеей о правахъ независимой личности, иначе и не могъ смотрѣть на наше дѣло, какъ именно такими глазами. По его взгляду и мы такъ поняли основной законъ нашей исторіи и вслѣдствіе того подняли нашу семейную и вѣчевую общину до идеала, какой возможенъ только въ поэзіи. Древняя семья-община предстала намъ въ образѣ угнетенной невинности; между тѣмъ, она-то и была первою причиною этой татарской идеи, наилучшею почвою ея воспитанія и развитія. Самодержавіе въ своей самовластной формѣ XVI и XVII вѣка явилось роскошнымъ цвѣтомъ, плодомъ именно родовой культуры, которая заботливо воспитывала насъ съ самыхъ первыхъ временъ нашей исторіи. Не зная хорошо самихъ себя въ исторіи и во всемъ своемъ, даже современномъ быту, мы, по неизбежной причинѣ, должны были удалиться больше въ поэзію, чѣмъ идти къ здоровому, чисто научному изслѣдованію. Мы и теперь все еще идеализируемъ нашу прошлую жизнь по плану иноземныхъ идей. Однако разработка нашей исторической науки всетаки подвигается впередъ и здравый реализмъ, который характеризуетъ ее въ послѣднее время, незамѣтно наводитъ насъ на инныя соображенія о дѣйствующихъ силахъ нашей исторіи.

Сводя счеты всей дѣятельности и дѣйствительности старой Руси до эпохи преобразованія, историкъ ни какъ не могъ не почувствовать той основной черты въ нашихъ историческихъ характерахъ, о которой мы ведемъ рѣчь.

Онъ долженъ былъ замѣтить ея присутствіе повсюду и, слѣдя главнымъ образомъ за формами жизни, по естественной причинѣ, остановился на самой выразительной, законченной, поэтической ея формѣ, которую создалъ самъ народъ. Историкъ очень вѣрно охарактеризовалъ эту черту эпическимъ богатыр-

ствомъ. Богатырь, въ самомъ дѣлѣ, въ народныхъ поэтическихъ представленіяхъ, является образомъ самостоятельной, независимой, вполне свободной личности, какъ рисовалъ ее себѣ нашъ старый вѣкъ.

Указывая общее направленіе или общую силу дѣяній русскаго человѣка въ XVII ст.; историкъ говоритъ: „Быть русскаго народа до эпохи преобразованія вполне выражается въ его поэзіи; однихъ ея памятниковъ достаточно для вѣрной, общей оцѣнки этого быта.... Вслушавшись внимательно въ эту длинную и однообразную пѣсню русскаго народа, которую онъ заводитъ отъ Кіева и Царягорода, и ведетъ черезъ Волынь, Галичь, Черниговъ, Новгородъ, Москву къ Казани, Астрахани и Сибири, мы видимъ ясно, что это народъ, прожившій восемь вѣковъ въ одинаковыхъ историческихъ условіяхъ. Любимый образъ фантазіи пѣвцовъ это *богатырь-казакъ*, названія однозначащія. Какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ русскій міръ былъ на украинѣ; какъ въ X, такъ и въ XVII вѣкѣ человѣкъ, которому было тѣсно въ избѣ отцовской, у котораго *сила во мышлочкѣхъ жмечникомъ передивалась, которому было грузно отъ силумки, какъ отъ тяжелаго бремени*, отправлялся въ степь-поле, гдѣ ему легко найти, на комъ попробовать свою силу молодецкую. Многое переиѣнилось въ государственномъ строю Россіи съ X до XVII вѣка, отъ временъ ласковаго Кіевскаго князя Владиміра до временъ великаго царя Алексѣя Михайловича, всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россіи самодержца, но удалыцы по прежнему шли въ степь *полаковати (отъ поле)*, на Дону образовалось большое военное братство удалыхъ *поламычъ* (опять отъ *поле*), гдѣ каждому богатырю можно было набрать себѣ дружину и идти на подвигъ. Такимъ образомъ для народа была возможность черезъ цѣлый рядъ вѣковъ пѣть свою пѣсню на одинъ ладъ, потому что содержаніе ея было живо передъ его глазами: богатырь не умираетъ въ козацѣ, и наши древнія богатырскія пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, суть пѣсни казацкія, о казакахъ“.

Такимъ образомъ выходитъ, что допетровское русское общество со стороны общаго характера своихъ подвиговъ, дѣяній и былей, переживало еще древній, эпическій складъ быта. Богатырство, какъ извѣстный законъ личнаго характера, было исходнымъ началомъ личной дѣятельности, личнаго дѣла. Понятно, что образы богатырства могутъ быть обрисовано и

казацество, веселья, видное и въ полномъ смыслѣ эпическое явленіе нашей исторіи. Историкъ распространяетъ смыслъ богатства и на всѣ другія, съ виду однородныя, явленія жизни. Онъ ставитъ его общею характеристическою чертою нравственной жизни общества, а слѣдовательно типическою чертою жизни отдѣльныхъ лицъ. Съ этою цѣлью онъ даетъ намъ эпическую характеристику богатыря, рисуетъ вообще *силмаго* человека, нашей старины: „Молодой человекъ чувствуетъ тяжкій грузъ силы, чувствуетъ тоску по степи, и говоритъ матери: „Ай же ты, государыня, моя матушка! давай же прощеньице — благословеньице: поѣду я во далече — далече чисто поле, хочу разгонять бурюшка косматого, хочу поразмять своего плеча богатырскаго, спробовать силы-удали молодецкія. *Домо ли мнѣ жить во луномѣ, во маломъ во ребячествѣ*, ходитъ мнѣ дома по улицѣ широкія, съ ребятами тѣшиться“? Пока молодой человекъ не вырвется въ чисто-поле, все онъ будетъ жить въ *глуномѣ*, маломъ ребячествѣ: *отъ лунаго ребячества до возмужалости мнѣ переходнаго времени образованія!* Страшенъ бывалъ сильный человекъ, вырвавшійся прямо изъ *глупаго*, *малаго* ребячества на *полную волю*, въ чистое поле, и начавшій разминать свое плечо богатырское. Пѣсни превосходно изображаютъ намъ эту расходившуюся силу, которая не сдерживается ничѣмъ; эти поэтическія изображенія объяснить намъ не одно явленіе не только въ древней, но и въ новой нашей исторіи, которая не могла разомъ отрѣшиться отъ старыхъ условій. Илья Муромецъ, разсердившись, что его не позвали на пиръ, стрѣляетъ по божьимъ церквамъ, по чуднымъ крестамъ и отдаетъ золоченыя маковки кабацкой голи на пропивъ, хочетъ застрѣлить князя Владиміра съ княгиней. Когда Василій Буслевъ расходился въ бою съ новгородцами, то не пощадилъ крестнаго отца. Мать, чтобъ унять расходившагося богатыря, заходитъ сзади и падаетъ на плеча могучія; богатырь говоритъ ей: „ты старушка лукавая, толковая! умѣла унять мою силу великую, зайти догадалась позади меня. А ежелибъ ты зашла впереди меня, то не спустилъ бы тебѣ, государынѣ матушкѣ, убилъ бы замѣсто мужика новгородскаго“.

Вотъ основныя черты того характера, который служитъ типическимъ выраженіемъ нашей допетровской жизни, который управляетъ этою жизнію во всѣхъ ея крупныхъ и мелкихъ дѣлахъ. Какъ ярко и живо въ этомъ изображеніи выясняется намъ ликъ и

самого Петра, этого послѣдняго богатыря нашей эпической древности и перваго выразителя всѣхъ сознательныхъ элементовъ русской личности. Какое кровное, самое ближайшее родство чувствуется въ этихъ герояхъ, стоящихъ по ту и по сю сторону нашей исторической жизни. Восемь вѣковъ сливаются въ одинъ моментъ и обнаруживаютъ, что это люди не только одного и того же поколѣнія, но даже одной семьи. Историкъ далѣе еще больше уясняетъ намъ богатырскія черты старинной нашей личности. По поводу автобіографіи извѣстнаго протопопа Аввакума онъ говоритъ: „Важность памятника (автобіографіи) заключается въ томъ, что онъ лучше другихъ памятниковъ переноситъ насъ, въ Россію XVII вѣка, отъ которой мы отошли такъ далеко и явленія которой мы съ такимъ трудомъ понимаемъ, придавая историческимъ лицамъ XVII вѣка черты нашего времени, наши воззрѣнія и стремленія. Мы имѣли возможность узнать, что такое былъ сильный человѣкъ въ древней Россіи, какъ силы богатыря мало сдерживались, какъ онъ не былъ устроенъ и направленъ *воспитаніемъ, и образованіемъ, и* ибо плеть и палка одинъ не могутъ содѣйствовать этому устроению и направленію, какъ богатырь вырывался изъ отцовскаго дома, изъ подъ отцовской плети и палки размять плечо богатырское, и что могло тутъ сдержать его? сама мать должна была заходить сзади, чтобъ унять расходившуюся силу. Подробности жизни Никона много уясняютъ намъ явленія этихъ богатырей среди общества, невыработавшаго нравственныхъ сдержекъ для хаотическихъ богатырскихъ силъ. До тѣхъ поръ, пока мы не перенесемъ въ XVII вѣкъ и не взглянемъ на Никона, какъ на богатыря въ патріаршей митрѣ и савкошѣ, до тѣхъ поръ это явленіе останется для насъ загадочнымъ, а Никонъ не перестанетъ изумлять насъ своею *силою и бессміемъ*. Въ соотвѣтствіи богатырю патріарху XVII вѣкъ выставляетъ намъ богатыря — протопопа, вслѣдствіе несдержанной *силы*, ставшаго заклятымъ врагомъ Никона и расколоучителемъ. Аввакумъ въ драгоцѣнномъ житіи своемъ является не одинъ, но окруженный цѣлою дружиною подобныхъ ему богатырей, которые расходились въ защиту двуперстнаго сложенія и двойной аллилуйи и *не могли найти себѣ удержку*; тутъ же близо познакоимся съ особаго рода богатырями — юродивыми, которымъ также грузно отъ *силушки*, какъ отъ тяжелаго бремени, и которые освобождаются отъ этого бремени тѣмъ, что ходятъ въ лютые

морозы босикомъ въ одной рубашкѣ: толпа, видя проявленіе такой силы, вполне вѣрять и подвигамъ Ильи Муромца и Добрыни Никитича, какъ разсказываются они въ сказкѣ и поются въ пѣснѣ“.

„Въ житіи Аввакума встрѣчаемъ мы и старыхъ своихъ знакомыхъ, воеводъ, такихъ охотниковъ давать чувствовать свою силу, встрѣчаемъ и Сибирскихъ воеводъ, этихъ русскихъ Кортесовъ и Пизарро, которые ходятъ на прински новыхъ земель и которые совершенно разнуздались въ далекой странѣ среди дикихъ звѣрей и дикихъ людей. Наконецъ встрѣчаемся и съ дикою силой толпы, которая такъ легко выражается въ насилие“.

Итакъ, вотъ смыслъ того богатырства, которымъ по преимуществу характеризуется эпоха и люди. Это стало быть богатырство дикой, первозданной силы, неустроенной и необразованной воспитаніемъ, богатырство необузданной или разнузданной воли, отъ которой самому богатырю становится *гружо*, какъ отъ тяжелаго бремени, — это богатырство первозданнаго своеволия и самовластия. Конечно, богатырство, въ этомъ распространеніи своего смысла и значенія, теряетъ уже свой истинный, поэтический типъ, весьма опредѣленно и законченно выразившійся въ народномъ эпосѣ. Въ отношеніи исторической дѣйствительности оно является натяжкой, едва не каррикатурой. Въ народномъ эпосѣ значеніе и даже происхожденіе этихъ богатырскихъ силъ очень понятно, — тамъ это небожье, какъ эпическое олицетвореніе силъ народнаго духа, олицетвореніе силъ и направленій всей жизни народа. Но, перенося эпическій смыслъ богатырства на мелкія и крупныя дѣла людей XVII вѣка, въ среду ежедневной дѣйствительности, мы уже имѣемъ дѣло не съ поэтической правдою, а съ правдою историческою, съ *крайне реальнымъ* историческимъ началомъ жизни и по необходимости должны спросить: откуда это начало, гдѣ его корень? Историкъ не отвѣчаетъ на этотъ вопросъ; онъ даже и не ставитъ такого вопроса, полагая, вѣроятно, что для уясненія дѣла достаточно одной параллели эпическаго богатырства съ дѣйствительнымъ богатырствомъ нравственныхъ дѣлъ XVII вѣка. А вопросъ очень любопытенъ и очень важенъ. Въ немъ ключъ къ разясненію характера не только отдѣльных личностей, но и цѣлыхъ событій нашей исторіи. Одною параллелью съ богатырствомъ эпическимъ объяснить его невозможно. Очевидно,

что корни историческаго богатырства должны лежать въ той почвѣ, которая вообще именуется культурою народа, его нравственною и умственною выработкою или выправкою. Въ короткой характеристикѣ стариннаго обученія, историкъ мимоходомъ касается и этого вопроса, замѣчая, что „съ одной стороны древній, русскій человѣкъ начиналъ очень рано общественную дѣятельность, недонокомъ относительно приготовленія, образованія, съ неокрѣпшими, духовными силами; съ другой стороны, онъ дѣлался самостоятельнымъ очень поздно, потому что вмѣсто широкой, нравственной опеки общества, онъ очень долго находился подъ узкою опекою рода, старыхъ родителей (старшихъ родственниковъ); но легко понять, какъ должна была дѣйствовать эта долгая опека на человѣка возмужалаго, который самъ былъ отцемъ семейства. Такимъ образомъ два обстоятельства вредно дѣйствовали на гражданское развитіе древняго русскаго человѣка: *отсутствіе образованія*, выпускавшее его ребенкомъ къ общественной дѣятельности, и продолжительная родовая опека, державшая его въ положеніи несовершеннолѣтняго, опека необходимая впрочемъ, потому что, во первыхъ, онъ былъ дѣйствительно несовершеннолѣтенъ, а во вторыхъ, общество не могло дать ему нравственной опеки. Но легко понять, что продолжительная опека дѣлала его прежде всего робкимъ передъ всякою силою, что впрочемъ нисколько не исключало дѣтскаго своеволія и *самодурства*“¹.

Въ томъ-то и дѣло, что продолжительная опека прямо и непосредственно воспитывала это своеволіе и самодурство, которое и составляетъ сущность указаннаго историкомъ богатырства уже не эпическаго, а историческаго, какъ мы замѣтили, которое правильнѣе будетъ назвать не богатырствомъ, а господарствомъ. Въ томъ-то и дѣло, что *не отсутствіе образованія*, а именно, слишкомъ тяжелое присутствіе *извѣстнаго* образованія, выразителемъ котораго былъ Домострой съ своими родоначальниками и родителями, и не отсутствіе со стороны общества нравственной опеки, а именно до крайности великое и осязательное ея присутствіе, до крайности сильно выработавшіяся, извѣстныя, нравственныя сдержки всякой личной самостоятельности, — вотъ что именно воспитывало и развивало каждый личный характеръ и дѣлало его съ одной стороны *робкимъ*, ребенкомъ, дитятею, *предъ всякою*

¹ Исторія Россіи г. Соловьева, т. XIII, 162, 172—174, 206 и др.

силою, а съ другой самовольнымъ, своевольнымъ, т. е. самовластнымъ предъ всякимъ отсутствіемъ силы, предъ всякимъ ребенкомъ по силѣ. Совершенно справедливо, что личный характеръ выступалъ къ общественной дѣятельности совершеннымъ ребенкомъ. Духъ этого „глупаго малаго ребячества“ и былъ первою основою его нравовъ, а стало быть и первою основою его поступковъ и подвиговъ. Но не потому онъ выступалъ въ общество ребенкомъ, что не было отъ глупаго ребячества до возмужалости переходнаго времени образованія: образованіе, имѣя слишкомъ общій, неопредѣленный смыслъ, даже и до послѣдняго времени плохо устроиваетъ нашу волю, которая въ общей сложности всетаки дѣйствуетъ еще по дѣтски; — но главнымъ образомъ потому старый нашъ предокъ вступалъ въ общество и жилъ въ обществѣ ребенкомъ, что не имѣлъ и малѣйшихъ представленій о возмужалости воли, т. е. о нравственной самостоятельности лица, на чемъ конечно должно бы сосредоточиваться всякое образованіе, но что всегда маскируетъ или и совсѣмъ отстраняетъ, какъ великую напасть, образованіе, поддерживаемое патріархальными или родовыми идеями. Мы знаемъ, что напр. въ XVIII вѣкѣ было у насъ образованіе; однако оно даже въ образованныхъ личностяхъ нисколько не устраняло того эпического богатырскаго своеволія и самовластія, которое крѣпко еще держалось за старые русскіе корни и широко царствовало во всемъ быту. Мы вообще хотимъ сказать, что образованіе ничего не сможетъ сдѣлать, если вся общественная, и умственная, и нравственная культура питается противоположными ему началами. Тогда оно производитъ только печальные плоды и наиболѣе только жертвы умственныхъ и нравственныхъ несообразностей, какія всегда пораждаютъ борьба просвѣщенія съ закоренѣлымъ невѣжествомъ.

Точно тоже мы должны сказать и о нравственной опекѣ общества. Если есть общество, то есть и опека и именно нравственная. Весь вопросъ въ томъ, на чемъ общество стоитъ въ своемъ воззрѣніи на нравственное, что общество почитаетъ нравственнымъ? Ибо по этому вопросу каждый вѣкъ имѣетъ свои особыя созерцанія и убѣжденія. Наше общество было сильно лишь родовыми идеями, отчего мы и называемъ его не обществомъ, а родствомъ. Существо нравственной идеи, которая была руководителемъ всѣхъ помысловъ и поступковъ стараго русскаго человѣка, когда онъ стремился взойти на высоту нравственной

жизни, заключалось въ томъ, чтобы во имя родового идеала сдерживать до принижения нравственную свободу и нравственную самостоятельность личности. Въ умственной культурѣ для этого существовалъ цѣлый нескончаемый рядъ представлений о господствѣ надъ жизнью человѣка невѣдомыхъ демоническихъ силъ, предъ которыми самостоятельность и свобода личности понижала въ полное сознаніе своего безсилія и ничтожества. Въ нравственной культурѣ существовала идея отеческой опеки, предъ которою точно также нравственная самостоятельность и свобода личности понижала въ полное сознаніе своего дѣтства, стало быть такою же ничтожества. Полное всестороннее подчиненіе ума и воли этимъ началамъ было нравственностью вѣка. Но въ одномъ знаменателѣ что же выражала эта нравственность? Полное отрицаніе самостоятельности нравственныхъ индивидуальныхъ силъ человѣка, полную его нравственную зависимость отъ постороннихъ силъ, передъ которыми онъ стоялъ безпомощнымъ ребенкомъ; словомъ сказать, полное и глубокое сознаніе своего безпомощнаго дѣтства, глупаго малаго ребячества, во всѣхъ случаяхъ, гдѣ именно требовалась вѣра въ достоинство и нравственную высоту человѣческой природы, въ ея полную независимость ни отъ добрыхъ, ни отъ злыхъ разныхъ силъ, т. е. независимость отъ первозданныхъ языческихъ идей и идеаловъ жизни.

Общество или, точнѣе, пропитанный идеями всесторонней опеки надъ личностью, общественный умъ чутко и зорко сторожилъ всякое и малѣйшее отступленіе отъ сознанныхъ имъ началъ жизни и даже отъ самыхъ ихъ формъ. Дѣтство ума онъ охранялъ и укоренялъ тѣмъ, что обзывалъ всякое его движеніе страшнымъ въ то время словомъ: ересью, а всякую книгу, не входившую въ кругъ его созерцанія, еретическою. Дѣтство чувства и воли онъ охранялъ и укоренялъ неустаннымъ преслѣдованіемъ всякаго выраженія самостоятельности, почитая это гордостью, высокоуміемъ, самонадѣянностью и т. п. нравственными грѣхами, и съ этой цѣлью широко развивалъ идею смиренія, а въ сущности идею повинновенія, безграничнаго приниженія личности во всевозможныхъ видахъ.

Таково была нравственная опека общества надъ личностью, существовавшая во имя нравственнаго совершенства, которое сводилось, какъ мы сказали, къ всестороннему отрицанію

природныхъ человѣческихъ требованій и природныхъ человѣческихъ достоинствъ личности.

Эта-то опека и создавала тотъ тяжелый, душный міръ, изъ котораго вырваться было возможно только съ силою богатыря. Она-то и производила богатырей необузданной воли; но не потому, что недоставало имъ переходнаго времени образованія, или нравственной опеки общества, а потому что слишкомъ эта воля была зануздана. Тутъ становился сильнымъ естественный законъ, что крайность вызываетъ другую крайность; отрицаніе самостоятельности человѣка въ природѣ его нравственныхъ дѣлъ, являлось отрицаніемъ въ немъ самомъ его человѣческихъ свойствъ и онъ, по неизбѣжной причинѣ, дѣлался звѣремъ своей воли, или говоря поэтически становился богатыремъ.

Для дѣйствій такой воли, конечно необходимъ былъ просторъ, необходимо было *поле*. Какъ только человѣкъ, послѣ 30 лѣтняго сидѣнья сиднемъ въ своемъ домѣ, т. е. въ домѣ, исполненномъ родительской и общественной опеки, выѣзжалъ въ поле, онъ богатырствовалъ, какъ Илья Муромецъ. Для однихъ, счастливыхъ, такимъ полемъ была власть, властное авторитетное положеніе въ обществѣ; для другихъ, угнетенныхъ и чѣмъ либо утѣшенныхъ, такимъ полемъ было дѣйствительное поле, степь, куда, какъ въ нравственную и социальную отдушину, уходило все, что чувствовало себя не по себѣ въ этомъ тѣсномъ и душномъ жилищѣ всяческой опеки. Отсюда разбойная жизнь по большимъ дорогамъ и рѣкамъ, особенно по Волгѣ-матушкѣ, отсюда украинное казачество, отсюда усиленіе бродяжничества, т. е. въ сущности исканіе независимости и самостоятельности для личности, которая немогла иначе, т. е. лучше, разумнѣе, законнѣе и возвышеннѣе, понимать и чувствовать эти блага своей человѣческой природы. Отсюда развитіе нашего раскола и этотъ широкій нигилизмъ разныхъ его согласій и толковъ. И все это обуславливается однимъ и тѣмъ же началомъ нашего развитія и всей нашей культуры, тоюже непомерною отеческою опекою, въ какой постоянно находился и до сихъ поръ находится нашъ умъ и наша воля; тою же родовою идеею, которая была главною и непосредственною воспитательницею и нашихъ добродѣтелей, и нашихъ пороковъ.

Съ перваго взгляда можетъ показаться очень страннымъ: старинная родительская философія и житейская практика со стороны всяческой власти стояла на томъ, чтобъ *не давать воли*

малому, т. е. малому или меньшему во всѣхъ отношеніяхъ, и домашнихъ, и общественныхъ. Это было коренное, непоколебимое убѣжденіе вѣка въ его нравственной сферѣ, убѣжденіе, созданное развитіемъ и дѣлами самой жизни. Это было коренное, несомнѣнное начало, руководившее прежде всего воспитаніемъ дѣтей, слѣд. родительскою властью, а потомъ всякимъ начальствомъ, всякимъ управленіемъ въ житейской средѣ, начиная съ домовладычества и восходя до владычества въ какомъ либо воеводствѣ или намѣстничествѣ, или даже въ государствѣ. На этомъ началѣ крѣпко стоялъ смыслъ всякой власти, сколько бы ни была она мала или велика. Оно господствовало вездѣ и недопускало никакихъ другихъ понятій о подчиненныхъ, подвластныхъ, какъ только о дѣтяхъ, о малолѣтнихъ или о домоладцахъ, которыми *управлять* — значило *не давать имъ воли*. Сюда были направлены всѣ поученія, вся практическая философія того времени, вся *жесточь* практическихъ выполненій этой философіи.

Слѣдовало ожидать, что воля должна совсѣмъ утратить свою жизненную упругость, свою жизненную энергію. Внутри оно такъ и случилось. Восьми-вѣковой періодъ, жившій одною идеею успѣлъ окончательно подавить, заглушить волю; но за то, взаменъ воли, этотъ многовѣковой періодъ успѣлъ выростить самое безграничное своеволие, отъ котораго старина ни какъ не могла отличить волю въ собственномъ смыслѣ. Вотъ почему въ нашей исторіи мы видимъ, что воля богатырствуетъ вездѣ, гдѣ только является *своею волею*. Мы видимъ, что волю бралъ всякій и вездѣ, гдѣ только являлась возможность и гдѣ не встрѣчалось другой, чужой воли, на столько сильной, чтобъ не давать забирать свою волю. Такимъ образомъ воля, какъ мы уже выше говорили, представлялась чѣмъ-то матеріальнымъ, внѣшнимъ, чѣмъ-то такимъ, что можно было давать и не давать, брать или не брать. Высокаго нравственнаго смысла человеческой свободы она не имѣла; она носила одинъ лишь смыслъ животный, выражалась въ животныхъ формахъ и требовала животныхъ средствъ для направленія и отправления своихъ дѣйствій.

Въ настоящемъ случаѣ мы не имѣемъ намѣренія останавливаться на перечисленіи всѣхъ видовъ богатырствованія, къ какимъ приводила, вырвавшаяся изъ удушливой опеки *своя воля* личности. Въ исторіи намъ знакомѣ всего богатырствованіе властнаго человѣка, которое всегда поддерживалось и под-

держивается обыкновенно положительными законами и учреждениями. Оно всегда за нихъ и прячется, какъ за каменную стѣну. Исторія нашихъ властныхъ отношеній, даже до сихъ дней, исполнена такого богатырствованія. Здѣсь идея опеки находила себѣ положительное и весьма широкое выраженіе, ибо всякая власть сама по себѣ имѣла авторитетъ, смыслъ власти отеческой, вѣками освященный.

Должно вообще замѣтить, что если мы хорошенько посмотримся въ это богатырство необузданнаго самовластия, которымъ исполнена наша исторія, хорошенько вникнемъ въ непосредственныя и посредственныя причины этого всеобщаго жизненнаго явленія, то едва ли станемъ удивляться даже и такому типу нашего *самовластнаго* богатырства, какимъ былъ Иванъ Грозный. Народъ ему и не удивлялся. Онъ вынесъ его, какъ страшную физическую грозу, съ чувствомъ страха, съ чувствомъ ежеминутной гибели, съ мыслью, что тутъ ничего не подѣлаешь, что это бушуетъ и все громить непобѣдимая первозданная стихія. Народъ потому и не удивлялся, что здѣсь на самомъ дѣлѣ бушевала первозданная стихія его быта; оттого бушевала, что воплотилась въ самые широкіе размѣры личной воли старшаго. Народъ, напротивъ, отнесся къ Грозному не только безъ всякой ненависти, но и съ большимъ сочувствіемъ, какъ къ эпическому богатырю — покорителю Татарскихъ царствъ и выводителю *измьны* изъ Русской земли. Очень понятно, что на сентиментальный взглядъ нашихъ отцовъ и на гуманный взглядъ нашихъ современниковъ такой разгулъ нашей первозданной стихіи, не только возмутителенъ, но и ни съ чѣмъ не сообразенъ и совсѣмъ непонятенъ; однакожъ въ свое время онъ былъ терпимъ, онъ былъ въ порядкѣ вещей, онъ былъ въ сущности только наиболѣе сильнымъ, выпуклымъ выраженіемъ той же нравственной богатырской, вполне эпической силы, которая руководила жизнію всей народной массы, которая проявляла себя повсюду.

Мы вообще напрасно думаемъ, что богатырство самовластия являлось характерною чертою только въ органахъ государственной, правительственной власти. Оно было существеннымъ характеромъ всякой власти, какъ въ домашнемъ, такъ и въ общественномъ и политическомъ быту. Самое существо власти, какъ мы уже говорили, иначе не представлялось, иначе не понималось, какъ подъ видомъ *само*-властія; самое существо

человѣческой свободы и представлялось и понималось, только подъ видомъ тогоже — *само-властія*.

Недаромъ Грозный явился вмѣстѣ съ Домостроемъ. Исторія выразила въ этихъ двухъ формахъ многовѣковые плоды русской жизни. Домострой былъ вполне законченнымъ *словомъ* ея нравственнаго и общественнаго идеала. Грозный былъ самымъ *дѣломъ* того же идеала, также вполне законченнымъ, послѣ котораго русская жизнь должна была идти уже по другому направлению, искать другаго идеала. Грозный окончилъ самый запутанный актъ русской драмы — исторіи. Онъ указалъ дорогу къ высвобожденію личности и обрисовалъ собою будущую личность освободителя личности Петра. Послѣ Грознаго старина опять было вздохнула въ лицѣ боярскаго царя Шуйскаго; но напрасно Шуйскій провозглашалъ возстановленіе вѣхаго права боярскаго думы ограничивать волю самодержца — его голосъ не былъ ни кѣмъ услышанъ. Государево дѣло уже выпадало изъ боярскихъ рукъ и становилось дѣломъ всей земли. Земля требовала новой жизни, новыхъ силъ развитія, искала новыхъ идеаловъ.... Цѣлые сто лѣтъ прошли въ смутахъ и волненіяхъ. Земля двигалась изъ конца въ конецъ, двигалась въ самой глубинѣ своихъ убѣжденій и возрвній. Приближалось что-то невѣдомое *новое*.... Тѣмъ сильнѣе подымалось все *старое* и высказывалось въ самыхъ рѣзкихъ, послѣднихъ очертаніяхъ. Званный идеалъ наконецъ явился въ образѣ Петра, уже не перваго отца и перваго господари обществу, а перваго его слуги, перваго его неутомимаго работника. Это уже нашъ идеалъ и насъ отъ него отдѣляетъ только старая прапрадѣдовская форма самовластія, завѣщанная еще Грознымъ, которую Петръ по необходимости носилъ, потому что въ ней и родился, и оттого такъ ей и сочувствовалъ.

Итакъ, самовластіе было жизненнымъ началомъ стараго русскаго быта; оно было олицетвореніемъ родовой идеи, которая построила нашъ бытъ. Оно во имя этой идеи держало личность многіе вѣка въ нескончаемомъ дѣтствѣ, и во всякой крѣпости. Естественно, что по этому пути оно должно было выработать для личности условія самаго низменнаго, рабскаго приниженія предъ всякою властью.

Но какъ ни было широко рабское приниженіе личности подъ тяжестью родовой самовластной идеи, всетаки это приниженіе не имѣло въ себѣ того характера, которымъ обозначается дѣй-

ствительное рабство, полное рабство азиатское, африканское, или даже юридически выработанное рабство западной Европы. Русское рабство, къ которому привело народъ, повторимъ еще, широкое, всестороннее развитіе въ жизни родовой идеи, никогда не было, да и быть не могло такимъ полнымъ, законченнымъ рабствомъ. Въ сущности, это было *дѣтство*, а не рабство. И если это дѣтство выражалось дѣйствительно въ унижительныхъ рабскихъ формахъ, то въ этомъ сказывалась только наивная первозданная природа родовыхъ отношеній, возвышавшая непоимѣрно родительскую власть, а по ея идеалу и всякую другую власть. Людскія отношенія кристаллизовались по одному и тому же вездѣ присутствовавшему идеалу отношеній семьи-рода, гдѣ старшая власть, даже и возрастныхъ, и стариковъ, и всѣхъ равняла съ малолѣтними, а потому равно отъ всѣхъ требовала къ себѣ отношеній дѣтства, а не равенства. Эти-то отношенія дѣтства, въ которыхъ въ нашемъ быту выражались людскія отношенія ко всякой преобладающей власти, представляются по естественной причинѣ формами рабства и даже самымъ рабствомъ, по той простой причинѣ, что здѣсь большіе, старики, вообще люди уже независимые и самостоятельные, являются по формѣ отношеній къ старшей ихъ власти совершенными дѣтьми. Ярче всего приниженіе русской личности выразилось въ пресловутомъ *челобитьи*, въ этомъ битьѣ головою до земли, безъ котораго невозможно было встрѣтить какую либо власть, и особенно очень старшую, т. е. господарскую, владѣющую, стало быть въ полномъ смыслѣ родительскую, напр. помѣщичью, воеводскую, а тѣмъ болѣе царскую. При всемъ томъ наше челобитье по существу своему являлось лишь первородною формою чести, какую должны были воздавать дѣти родителямъ. Другаго смысла оно въ себѣ не носило. Это была форма родоваго приличія, форма сыновняго почтенія къ родителю, которая распространилась и на общественныя отношенія, потому что все общество организовалось силою родоваго духа, вводившаго повсюду свои уставы и порядки, свой строй жизни. Отъ родоваго корня пошла наша внутренняя, нравственная жизнь, отъ этого корня произошли, народились и всѣ ея формы, не исключая даже и государственной. Вотъ почему въ нашемъ рабствѣ, въ его существѣ, постоянно скрывалось какое-то родственное благодушіе, смягчавшее даже и силу крѣпостныхъ отношеній, такъ что рабъ, и холопъ становились у насъ дѣтьми, чадами дома, рабскія и

холопскія формы отношеній всегда приобрѣтали смыслъ отношеній дѣтскихъ, вообще отношеній малолѣтства къ возрастнымъ.

Особенно живую картину такихъ именно отношеній представляетъ напр. царскій отпускъ полковыхъ воеводъ въ походъ на польскаго короля, происходившій 23 апр. 1654 г., при царѣ Алексѣѣ. На отпускъ, какъ и на прїездъ къ государю, бояре и всѣ другія лица, которыя допускались видѣть его пресвѣтлыя очи, обыкновенно цѣловали его руку, что и называлось вообще: быть у государевой руки. Каждый, по порядку подхода къ государю, сначала поклонился до земли, цѣловалъ руку, а затѣмъ отошедши, опять кланялся до земли. Въ настоящемъ случаѣ торжественный отпускъ совершался въ Успенскомъ соборѣ, послѣ молебна. Тутъ же всѣхъ полчанъ царь звалъ къ себѣ *алба ѣсть*. Столъ былъ въ Передней Избѣ. Послѣ стола, послѣ кубковъ и медовъ, двадцатипятилѣтній царь прощался съ полчанами и особенно съ главнымъ воеводою кн. Алексѣемъ Никитичемъ Трубецкимъ. „И царь паки звалъ бояръ и воеводъ къ рукъ. И бояре пши единъ за единымъ. И царь кн. А. Н. Трубецаго своими царскими руками принялъ къ персемъ своимъ, главу его, для его чести и старѣйшинства, зане многими сѣдинами украсенъ и зѣло мужъ благоговѣинъ и изященъ и мудръ въ божественномъ писаніи и предивенъ въ воинской одеждѣ и въ воинствѣ счастливъ и недругомъ страшенъ. И кн. А. Н. Трубецвой, видя такую *отеческую* премногую и прещедрую милость къ себѣ, *паки главою на землю ударяется* ¹ *со слезами, до тридесятъ кратъ*“.

На прощаньи съ меньшими полчанами, дворянами и жильцами, государь угощалъ ихъ изъ своихъ рукъ бѣлымъ медомъ и говорилъ рѣчь, на которую они отвѣчали также рѣчью и поклонялись до *седми кратъ*.

Все это черты отношеній по преимуществу дѣтскихъ, отношеній меньшей родни, а не рабовъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ господствовало наиболѣе чувство родства — отечества и дѣтства, а вовсе не чувство рабства; господствовало чувство тѣсной, неразрывной родовой связности людей, а не чувство юридически выработанныхъ отношеній рабовъ къ господину.

¹ Очень примѣчательно, что въ подлинникѣ эта фраза: „главою на землю ударяется“, измѣнена собственноручною припискою царя слѣдующимъ образомъ: „поклоняется до земли. Столбцы Тайн. Прик. въ Госуд. Архивѣ.“

Въ глубинѣ этихъ-то чисто родовыхъ отношеній и скрывается весь смыслъ нашей исторіи, нашей нравственной и общественной культуры.

Если мы согласимся, что таковы были бытовые нравственные силы, дѣйствовавшія въ нашемъ допетровскомъ обществѣ, то вопросъ: какое положеніе занимала въ этомъ обществѣ женская личность, уясняется самъ собой. Если идея личности совсѣмъ не была сознаваема, то могла ли существовать самая мысль о самостоятельномъ положеніи личности женской. По причинамъ, указаннымъ выше, эта личность почиталась малолѣтней по преимуществу, почиталась ребенкомъ, надъ которымъ была необходима самая полная опека. Въ началѣ главы мы замѣтили, что положеніе женской личности въ какомъ либо обществѣ всегда и вполне рисуется положеніе самого общества, т. е. состояніе его умственныхъ и нравственныхъ силъ, состояніе его образованности и гражданской свободы. По этому, какую правду сознающая и разсуждающая мысль говоритъ о женской личности въ данную эпоху, тою же правдою вполне должно характеризоваться и то общество. Строгая характеристика Котошихина, перевесенная съ женской личности на цѣлое древнерусское общество, очень вѣрно опредѣляетъ существенныя черты его положенія, его умственного и нравственного состоянія. Можно дознаться, выражаясь словами Котошихина, отчегобъ такому обществу быть гораздо разумнымъ и смѣлымъ, т. е. свободнымъ, когда грамотъ оно неученое (умственно неразвитое) и не обычай тому есть; когда, отъ младенческихъ лѣтъ и до старости, оно живетъ въ тайныхъ покояхъ, т. е. во всякой умственной и нравственной опекѣ и цензурѣ, и ничего и ничего не видитъ, т. е. ничего не знаетъ опрѣчь самыхъ ближнихъ, родственныхъ ученій и наказаній Домостроя. Можно дознаться, отчего такое общество породнымъ разумомъ простоваго, на отговоры несмысленно и стыдливо, т. е. отчего оно неподвижно цѣлыя столѣтія, отчего въ немъ не дѣйствуетъ живая сила человѣческой свободы и нѣтъ въ немъ развязныхъ свободныхъ движеній ума и воли. Это общество, какъ берегло женскую личность отъ сторонняго глаза, отъ міра—свѣта, такъ оно берегло и само себя отъ всякаго умственного свѣта, въ не-

связанной боязни, что, какъ проникнетъ къ нему такой свѣтъ, то растлѣнными явятся всѣ основы его нравственности.... Оно точно также жило за замками въ высокомъ терему, именно въ терему своихъ многовѣковыхъ, душевныхъ и тѣсныхъ воззрѣній на свободу личности вообще и на самую свободу въ особенности. Оно все крѣпче и крѣпче притворяло этотъ теремъ, все плотнѣе обгораживало его высокимъ тыномъ церковныхъ, государственныхъ, общественныхъ, домашнихъ запрещеній и разныхъ мнѣемъ, такъ что личность, вслѣдствіе напора самой исторіи, самой жизни, вырвавшаяся, наконецъ, изъ этого терема, ни чѣмъ другимъ не могла явиться, какъ полнѣйшимъ нигилистомъ, всестороннимъ отрицателемъ всего прожитаго, потому что въ этомъ прожитомъ она видѣла и знала только одну полицейскую опеку родовой власти и ни какихъ общечеловѣческихъ силъ развитія. Оттого и послѣдовалъ такой быстрый разрывъ общества съ своею стариною, которую оно очень скоро совсѣмъ забыло. Съ XVIII вѣка отрицаніе стало жизненною силою нашей общественной культуры. Мы отказались сами отъ себя, ибо ничего въ себѣ не чувствовали и не находили положительнаго, основнаго, съ чѣмъ бы возможно было познакомиться въ люди. Этотъ новый двигатель нашей жизни, съ особенною силою работавшій въ XVIII ст., еще продолжаетъ свое существованіе и до сихъ поръ. Онъ лучше всего и собою сторонъ выразился и пластически насъ изобразилъ въ нашей литературѣ. Къ нашему счастью, нынѣшнія реформы несутъ въ нашу жизнь дѣйствительно положительныя основы развитія, которыя и не замедлятъ совсѣмъ упразднить уже въ высшей степени обветшавшее начало родовой самовластной опеки съ ея неизбѣжнымъ спутникомъ — отрицаніемъ и всѣмъ чуждымъ нигилизмомъ.